

Кругосветное путешествие СКВОЗЬ канализации

Максим Рух

18+

Максим Рух

Кругосветное путешествие сквозь канализации

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70068037
SelfPub; 2023*

Аннотация

«Кругосветное путешествие сквозь канализации» повествует о параллельном мире истинной власти, что находится по ту сторону теории большого заговора. Действие происходит в ближайшем будущем, когда наступает финальный акт подготовки человечества к грандиозным преобразованиям, после которых жизненный цикл известной нам цивилизации должен завершиться, подобно циклам других, канувших в небытие миллионы лет назад, древнейших высокоразвитых культур. Произведение предлагает новый взгляд на такие фундаментальные вещи, как феномен заговора, суть цивилизации и прогресса, истинную роль науки и её дочери – технологии. Извечные вопросы о месте человека в наблюдаемом мире, о причинах уникальности нашего вида, о началах и неизбежном финале красной нитью пронизывают всю книгу. В конце концов, повесть предлагает читателю глубокий повод задуматься, насколько вообще достоверна летопись Истории мира и так ли прозрачно прошлое, как принято считать.

Максим Рух

Кругосветное путешествие СКВОЗЬ КАНАЛИЗАЦИИ

Глава 1. Старик

В конце февраля 1944 года два всадника в бурках, прищипорив коней, мчались по просторам правого берега Днепра на Восток. Вслед им строчил пулемет. Время от времени полуночную мглу освещали далекие вспышки реактивных систем, осыпающих немецкие соединения настоящим шквалом примитивных, но смертоносных ракет. Совсем недавно эти степи были вывернуты наизнанку в ходе колоссальных танковых сражений, так характерных для европейского театра военных действий во время Второй Мировой Войны. Огромные полчища солдат, прикрытые тяжелой техникой, роем авиации и артиллерией, шли навстречу друг-другу для того, чтобы столкнуться в чудовищной битве, равных которой не знала известная история человечества. Снега совсем не было видно, и земля после снарядов и гусениц была черна как копоть. Разведчики уже удалились на достаточное расстояние от позиций врага, чтобы почувствовать себя в относительной безопасности, но до своих ещё было далеко. Лошадям требовался отдых, а бойцы нуждались в тепле, пище и

сне. Порой, в нашей жизни происходят вещи, которые кроме как чудом назвать нельзя. Один из всадников начал было искать окопную свечу в кармане седлового мешка, но его остановил резкий оклик товарища, заметившего что-то. Обычно, такой тон означает, что где-то рядом опасность, поэтому он тут же рефлекторно пригнулся и схватился за ППШ.

– Смотри, Серый –, разведчик указал пальцем в темноту.

Серый, присмотревшись, увидел тусклый огонек, мерцающий в небольшом окошке избы. Избушка стояла совершенно одна в поле, но, если судить по картам, здесь никаких населенных пунктов не должно было быть, а если даже и были когда-то, то от них не осталось бы и пепла. Тем не менее, изможденные разведчики спешили и, напрягая внимание на случай возможных ловушек, двинулись в сторону светящегося огонька. Ибрагим негромко постучал и в тот же миг дверь отворилась. Из проема выглянул невероятно худой старичок в валенках, сермяжной одежде, с неопрятной бородкой и почти лысый, если не считать два клока седых волос у него на висках.

– Приютишь, хозяин? –, тоном, не принимающим отказа, спросил Серый.

– А как же? Заходите, да поскорее, хлопцы.

В середине избышки стояла большая традиционная печь – вокруг таких печей русские и украинские крестьяне с царских времен строили свои жилища. Печь служила и кроватью, и кухней, и столом. Ибрагим и Серый были слишком

утомлены для того, чтобы выяснять или задумываться о том, кто этот человек, почему здесь стоит его изба, как он вообще выжил под катком войны, поэтому, быстро прикончив свои порции пайка уложились спать под печью, закутавшись в бурки. Хозяин домика уже лежал на печи, когда Серый обратил внимание на то, что под головой у него вместо подушки огромная книга в толстом переплёте. В Советском Союзе всё ещё оставалось много верующих людей, в основном из бывших крестьян, хранивших свою веру несмотря на успехи революции в борьбе с этим явлением.

«Наверное молитвенник или ещё какие-нибудь байки» —, подумал воин, а затем спросил у хозяина, с ухмылкой —, старик, зачем тебе эта жирная книга? Что в ней такого умного написано?

— Здесь написано всё. О том, что было, о том, что есть и о том, что будет —, старик ухмыльнулся в ответ —, а что ты хочешь узнать, сынок?

Надо отметить, что боевой дух союзников антигитлеровской коалиции в начале сорок четвёртого года был на высоте. Войска Вермахта отступали с оккупированных ранее территорий. На Востоке немцы потерпели серию сокрушительных поражений, дело шло к открытию второго фронта на Западе и исход войны, в общем-то, был предрешён.

— Скажи, старик, когда закончится война? — опередил с вопросом Ибрагим.

Хозяин уселся на печи, положил книгу на колени и, скрип-

нув бронзовыми петлями, раскрыл переплёт. Послунявив пальцы, он дошел до нужной страницы и громко прочитал – «Вторая Мировая Война закончится девятого мая 1945 года от Рождества Христова».

Ибрагим и Серый переглянулись и тут же синхронно засмеялись.

– Сорок пятого года, говоришь? Ну-ну, читай свои сказки дальше. Через полгода от силы мы в Берлине будем водку пить, бежит немец, вот так-то! –, мечтательно возразил Серый.

– Всё, спать пора, на рассвете в дорогу –, буркнул Ибрагим и тут же захрапел.

Глава 2. Марк

Проснувшись в маленькой комнате ранним зимним утром, Марк уставился в потолок. Какое-то время он не до конца осознавал, где, а главное – когда он находится. Последние годы ему периодически снились кошмары, содержание которых чаще всего улетучивалось из памяти как утренний туман, в течение несколько минут. Но, по обрывкам памяти Марк знал, насколько грандиозны по своей катастрофичности эти сны. Порой он кричал изо всех сил, как ему казалось, но голосовые связки не издавали звука, никто не мог его услышать ни во сне ни наяву. Огромная волна страха перед надвигающейся катастрофой иногда парализовала тело и душу. Прошедшая ночь тоже прошла в жутких кошмарах

– настолько пугающих, что ночная рубашка на теле Марка до последней нитки пропиталась потом, как у страдающего лихорадкой больного.

Совсем недавно Марк сидел в окопе по колено в грязи и воде, на полях Восточной Европы. Ещё год назад многие из тех, по чьим трупам приходилось переползать на поле боя, покрытом воронками и кратерами после огневого вала артиллерии, жили обычной жизнью горожан 2028 года. Суетливые реки людей торопились на работу в офисы, бизнес-парки, госконторы. По дорогам текли вязкие потоки из современных автомобилей, создавая гул, напоминающий отдалённый шум сотен Ниагарских водопадов, вереницы общественного транспорта перевозили миллионы людей до оживлённых районов и жилых кварталов. Колоссальные торговые центры походили на отдельные миры, созданные исключительно для развлечений и безудержного потребления. Люди встречались, решали насущные и деловые вопросы, строили карьеру, развлекались, путешествовали, занимались спортом.

Марк знал, что всё это существует и сейчас, но в какой-то момент мир изменился. Это не сразу бросалось в глаза, подобно тому, как незаметно происходит отклонение от маршрута океанского лайнера на какие-то угловые секунды. Лишь внимательный пассажир с хорошей интуицией спустя время обратит внимание на еле заметное изменение оттенка вод, на появление новых созвездий в небе и на странные ароматы,

доносимые ветром, но большая часть пассажиров до последнего останется в неведении относительно изменения курса. Всё продолжало идти своим чередом, однако, внимательный наблюдатель замечал, как в глазах у знакомых, близких и коллег что-то поменялось. Огонёк уверенности и оптимизма немножко потускнел, сменившись на затаённую тревогу. В те дни, чуть чаще чем обычно, вы могли заметить, как ваши знакомые вроде бы слушают вас, привычно качают головой, но взгляды их устремлены в никуда, а мысли где-то далеко. Присмотревшись к лицам в толпе, высокочувствительный человек ощутил бы не характерную для жителей мегаполисов энергетику уверенных в себе и своем будущем обитателей городских джунглей, а паутину страха и неопределённости, сковавшую души всех людей, независимо от пола, возраста, уровня осведомленности и социального статуса. Что уж говорить о прежней сладостной беспечности, от которой теперь не осталось и следа.

Так случилось, что маховик войны выдернул его – обыкновенного учителя физики, из привычного и комфортного городского уклада. Всё произошло так внезапно, что впоследствии, в минуты относительно свободные от солдатского быта, он много раз ловил себя на мыслях о нереальности происходящего. Впрочем, может быть, это и есть реальность, а жизнь «до» была всего лишь приятной иллюзией? Теперь ответить на этот вопрос однозначно ни он, ни многие другие солдаты, сохранившие способность самостоятельно рассуж-

дать, не могли. Изуродованная градом снарядов и гусеничной техникой земля, больше похожая на поверхность Луны, торчащие частоколом, расщепленные стволы деревьев, когда-то называвшихся лесом, груды обломков бетона и кирпичной кладки, ещё летом стоявшие цветущими городами, канонада и грохот, не прекращающиеся ни днём, ни ночью даже на одну минуту с самого прибытия на фронт – всё это сливалось в рутинный пейзаж и обыкновенную, будничную картину. Внимание на ней никто не заострял. Уродливое лицо войны – это другое. Это не смертоносные горы стали, не летающие машины, спрятаться от которых нигде и никак невозможно, не оружие и не боевые роботы. Настоящее зло, которому позавидовал бы сам дьявол, отражается в кривой ухмылке пьяного лейтенанта, заходящего в какой-нибудь райцентр после зачистки. Многие люди не желали или не имели возможностей покинуть свои дома, оказавшиеся на линии фронта, поэтому в каждой деревне и в каждой городке всегда оставались гражданские. Вряд ли найдётся кто-то более беспомощный в этом мире, чем гражданское население во время войны, а ведь слабость одного зачастую пробуждает жестокость в других. То, что происходит в сотнях подобных райцентров после захвата покрыто мраком, а однажды побывавшие в таких местах, старались об этом больше никогда не вспоминать.

Сейчас Марк находился далеко от полей сражений, в небольшом высокогорном городке на санаторном лечении,

куда его отправила обыкновенная серая ворона. Никто из его товарищей рядом не обратил внимания, как она, прилетев, села на отвал окопа. Птица оказалась автономным роботом с программой самоуничтожения. Всё, что он помнил – это холодный окоп, покрытое тонкой коркой льда месиво под ногами, крики соратников, разбегающихся в разные стороны от странной птицы со стеклянными глазами, и темноту. Осколок пробил плечо товарища и на излёте проник через надбровную дугу на глубину в несколько миллиметров. Извлечь его ни один хирург не решился, поэтому Марк смирился с тем, что всю оставшуюся жизнь придётся ходить с “подарочком” в черепе. Возможность ходить уже сама по себе казалась относительно хорошим бонусом, ведь далеко не каждому, кто попал в эту мясорубку, так повезло как ему. После осколочного ранения он попал в военный госпиталь, а потом был комиссован и направлен на длительную реабилитацию. Кусочек металла, изменивший его жизнь, размерами был немногим больше спичечной головки, но даже такая мелочь порой способна доставить хлопот. О возвращении в войска речи не шло сразу по нескольким причинам: во-первых, кусок стали в черепе даёт право оформить инвалидность, во-вторых – Марк презирал войну и до попадания на фронт, а после возвращения «оттуда» он бы согласился на жизнь в самых захудалых условиях, но только подальше от этого ужаса. Этим он отличался от псов войны, не представляющих жизнь без оружия. Тем обязательно хо-

телось признания, наград, привилегий и особого отношения после их подвигов, заключающихся в подбрасывании хвороста в топку войны. Правда, эволюция позаботилась о человечестве, ограничив энергию и возможности наиболее агрессивных представителей вида людей. Возможно, войны и революции являются одним из хитрых механизмов естественного отбора, ведь они пожирают своих отцов – наиболее пассионарных представителей общества. И дело даже не в физической смерти, а в утрате всякой потенции. Яркий пример – движение хунвейбинов в Китае, в своё время доминировавших над остальными фракциями в эпоху культурной революции. Молодые, фанатичные, с горящими сердцами, революционеры стали причиной беспрецедентных исторических событий для своей страны, но потом сами же оказались под катком системы, которую воздвигли. Революции нужны живые герои, а государству нужны памятники героям, ведь довольно сложно построить чиновничий аппарат и бюрократическую систему из героев войн или революций. Если принять, что революция – это та же война, то становится очевидным, почему послевоенный и послереволюционный периоды имеют так много общего. С подобными мыслями Марк частенько прогуливался по паркам санаторного кластера, который был так прекрасен, несмотря на зимнее время. Он с воодушевлением представлял, как все эти мостовые и пешеходные тропинки будут утопать в зелени и цветах через пару месяцев, распустится листва на деревьях и кустарниках, вся окру-

га наполнится пением птиц и приятными ароматами весенних цветов. «Так должен выглядеть весь мир» – думал Марк и тут его же осеняло, что идея о планете, где царит мир, вечное лето и достаток, не ему первым пришла в голову. Миллиарды людей уже тысячи лет надеются попасть в такое место после смерти, но не находят иного способа, как воевать ради этого.

Глава 2. Незнакомец

Во время одного из таких променадов Марк присел отдохнуть на скамейку возле небольшого фонтана, напротив главного корпуса санатория. Уже наступил март, природа начала понемногу оживать, а весеннее солнце дополняло приятную картину. Марк уставился на журчащие струйки воды, вырывающиеся из центра фонтана. Поглощённый своими мыслями, он не заметил, как рядом с ним появился сосед – пожилой мужчина. На вид определить его возраст Марк бы не решился. Невысокого роста и очень сухощавого телосложения, он был одет в серый костюм, вероятно выпущенный ещё во времена молодости своего владельца.

– Вы не против? –, спросил новый сосед, закуривая сигарету.

– Нет, пожалуйста –, ответил Марк немного растерявшись.

Помолчав с минутку, незнакомец снова прервал тишину:

– В интересное время живём, молодой человек! –, он затянулся, как-то по-доброму прищурившись от дыма.

Всё в этом человеке казалось до боли знакомым, словно кто-то оживил собирательный образ обычного представителя интеллигенции старой закалки, коих в Красном Союзе ещё можно встретить в каждом городе, среди работников научных и образовательных учреждений. Образ этот всегда виделся Марку исключительно приятным, как человеку с высшим техническим. Тем не менее, они определённо не встречались прежде и знать друг друга не могли.

– Да уж –, буркнул Марк, не глядя на собеседника.

Ему совсем не хотелось разговаривать с незнакомцами, потому что с некоторых пор любой разговор в любой компании неизбежно заканчивался политической дискуссией, как будто дело происходило во Франции сто тридцать лет назад, когда Европу штормило от каждой новости по «Делу Дрейфуса».

– К сожалению, люди слишком рассеяны, как маленькие дети. А ведь, если внимательно присмотреться, то мы живём в самом центре интереснейшего спектакля –, воодушевлённо воскликнул старик.

– Да уж, вся жизнь – игра, а мы в ней актёры. Шекспир, вроде.

Марк скривил ленивую улыбку. Наверное, больше из жалости к этому старикашке. Разговоры с пожилыми людьми, как правило, навевали на него страшную тоску. Но незнакомец продолжал:

– Вы знаете Шекспира? Отрадно, что сегодня ещё нахо-

дятся люди, которые не дают покрыться пылью классике. А как вы относитесь к философии? Платон, Аристотель, Гермес Тримегист? – не унимался назойливый гость.

У Марка всё больше росло убеждение, что старик немного не в себе, что было бы не удивительно – выглядел он лет то ли на шестьдесят, то ли на восемьдесят. Указав пальцем на светлый рубец, пересекающий бровь, он с раздражением отвечал:

– После маленькой случайности, которую немного не предусмотрели в, как вы сказали, спектакле, и из-за которой я раньше времени оказался на пенсии, теперь у меня появилось достаточно времени разобраться с этими вашими Кантами, Гегелями и другими умниками.

Незнакомец, казалось, нисколько не смутился от такого резкого ответа.

– Случайностей не бывает, Марк –, мягко ответил он, после чего встал и бесшумно удалился.

Марк сидел ещё некоторое время глядя куда-то вдаль. Его внутреннее состояние сейчас напоминало ту пустыню, в которую превратилась некогда цветущая земля близ Карпатских гор после того, как по ней прошла адская машина войны. Отсутствие интереса к изучению нового, асоциальность, демотивация и полнейшая апатия плохо поддавались лечению у бывших фронтовиков. Внешне почти здоровые люди частенько представляли из себя оболочку с разрушенной до основания личностью изнутри. Из самых сильных

чувств особо выделялся неприятный диссонанс от жестокого обмана, жертвой которого довелось стать, но в чём тяжело признаться самому себе. Уже собираясь уходить, Марк заметил на краю скамьи небольшую книжицу. Судя по всему, толстый переплет когда-то был окрашен в коралловый цвет, но от времени изрядно потускнел. В книгопечатании он не разбирался, однако быстро понял, что работа весьма старинная. Ничего подобного в продаже Марк никогда не встречал. В верхней части обложки замысловатой вязью проходила строка символов – то ли текст, то ли узор. Возможно, это и вправду был текст, но определить принадлежность к какому-либо из языков он не смог. В центре переплета находилась инкрустация в виде черного медальона с отпечатанным на нем причудливым знаком. Знак представлял собой окружность со вписанной пирамидообразной фигурой и маленьким символом то ли Солнца, то ли другой звезды, отпечатанным на фронтальной грани пирамиды. С обратной стороны переплёта впечатанным контуром изображалась фигура некоего образа со сложенными наподобие ромба пальцами на уровне груди. Только сейчас Марк понял, что не представлялся странному незнакомцу. Впрочем, в санатории живет много людей, его имя могло звучать со стойки регистрации. Из любопытства он раскрыл книжку. Страницы оказались сделаны из очень плотной, белоснежной бумаги и едва гнулись при перелистывании. Однажды Марку приходилось держать в руках книгу тиража восемнадцатого века, и

он отметил, что страницы этой книжки очень напоминают на ощупь тот экземпляр. За одним исключением – Марк не нашёл внутри ни одной строчки текста, страницы оказались совершенно пусты. Тем не менее, вещь, очевидно, представляла ценность, поэтому он поспешил догнать старика, чтобы вернуть тому утерянный предмет. Прошло совсем немного времени, поэтому далеко уйти пожилой человек не мог. Однако, все поиски оказались тщетны. Мужчина будто испарился. Напрасно Марк ещё два дня расспрашивал у сотрудников санатория и у отдыхающих про странного незнакомца, надоедал вопросами всем подряд – всё оказалось безрезультатно. Такого человека словно и не существовало вовсе. Так Марк стал невольным обладателем бесполезного, как ему казалось, артефакта.

Глава 3. Монолит

Он медленно шел по гребню огромного песчаного террикона, прищуриваясь от яркого света. Солнце, почему-то, излучало не привычный мягкий и желтоватый свет, а сияло гораздо ярче и жёстче. Окружающие горы, лишённые всякой растительности, напоминали искусственные нагромождения скал, камней и щебня колоссальных размеров. Внизу – в долине, протекала река, от которой необычно яркими бликами отражались злые солнечные лучи. Марку казалось, что Солнце превратилось в огромный дуговой разряд, какой обычно образуется при сварке металла мощным аппаратом, только в миллионы раз больше. В середине огромного гребня он оста-

новился и сел на песок. Так он сидел и смотрел вниз, равнодушно простирая взгляд на так хорошо ему знакомую, когда-то цветущую долину. Проснувшись, Марк почувствовал сильную головную боль. Проклятый осколок металла отравлял жизнь, вызывая мигрени. Ещё год назад они быстро проходили, но теперь приходилось принимать сильнодействующие лекарства, чтобы погасить очередной приступ. Лечащий врач ещё прошлой весной советовал практиковать отдых в высокогорье, в периоды особенно острых приступов и, кажется, другого выхода из этих мучений мрака у Марка не оставалось. Через неделю он уже стоял на выходе из аэропорта Барнаула, в ожидании ведомственного автобуса до высокогорной базы отдыха. Выбор направлений был невелик и определялся ветеранской путевкой, на которую мог претендовать получивший ранение рядовой солдат Красного Союза. Путь предстоял в деревеньку близ высокогорного озера в Алтайских горах, почти на границе с Китаем. Горный воздух и Бог знает ещё какие факторы творят чудеса, думалось ему. Теперь, мигрени действительно беспокоили гораздо реже, и Марк начал ощущать некоторый вкус к жизни. Ночами он мог наблюдать потрясающее небо, усыпанное звездами и туманностями, днём это место напоминало Рай. Буйная растительность, богатая фауна, снежные шапки на горных хребтах и фантастической красоты водоемы внушали чувство, что всё былое – лишь дурной сон, а настоящий мир и настоящая жизнь только здесь и сейчас. У него даже появилось неза-

мысловатое хобби – собирать камни. По берегам речушек и озер, порой, можно найти причудливой формы и окраса осколки древних пород. Наверняка их возраст сопоставим с возрастом самой Земли – осознание этого факта позволяло отнестись ко многим вещам совершенно иначе. Человеческая цивилизация просто искорка, которая существует долю мгновения по сравнению с геологическими периодами Земли, что уж говорить о человеческой жизни? Эти камни, эти горы пережили появление и исчезновение целых таксонов, а расцветы и закаты цивилизаций в огромном масштабе времён мелькают подобно проносящимся мимо окон скоростного поезда фонарям. Эти камушки не состарятся даже на миллионную долю своего возраста, когда о нас забудут и мы окажемся глубоко под руинами десятков других, возникших, достигших триумфа и исчезнувших в глубине веков, цивилизаций. Они так же будут лежать на берегу бирюзового озера, омываемые холодной ледниковой водой, под облаками и небом, ничуть не изменившимися ни за миллион, ни за миллиард лет.

Однажды, забравшись по козым тропкам в небольшую ложину, он наткнулся на огромный чёрный камень кубической формы. Такие правильные фигуры иногда встречаются в горах и обычно эти формы приписывают комбинированной эрозии. Изучая монолит, сравнимый по размерам с морской контейнер, Марк, к большому удивлению, обнаружил отверстие правильной округлой формы диаметром

около тридцати сантиметров, заполненное водой. Это показалось интересным Марку, поэтому он сфотографировал на камеру смартфона любопытную находку. Уже темнело и приближалась пора возвращаться на базу. Спустившись примерно на километр, Марк почему-то оглянулся и тут же застыл от изумления – яркий, сияющий шар зеленоватого оттенка медленно поднимался со дна расселины. Через полминуты он завис на высоте около пятисот метров, как прикинул наблюдатель, а потом, замерев на десять секунд в одной точке, с какой-то невероятной скоростью, буквально мгновенно, взмыл вверх и исчез. Марк раньше слышал о шаровых молниях, и он бы легко поверил, что это одна из разновидностей, не будь он физиком. Его интуиция, вкупе с пониманием законов движения, подсказывали что тут есть подвох. Рассказывать никому об увиденном он не стал. На следующее утро, сразу после завтрака, Марк собрал снаряжение и снова двинулся в сторону расселины, в которой накануне он нашел монолит. Размерами овраг был небольшим, но никаких признаков того, что здесь произошло что-либо необычное, увидеть не удалось. В общем-то, Марк уже давно перестал быть романтиком и версия о том, что это просто плод больного воображения, вполне его устраивала. Проходя мимо монолита, он заметил нечто, на что в прошлый раз не обратил внимания – вдоль грани чёрного куба идеальной строкой проходили прожилки светлых включений, напоминающие письмо или узор. Некоторые части узора повторялись,

словно буквы, замысловатая вязь чередовалась с «чёрточками», а вся строка целиком расположилась параллельно грани блока. Сделав фотографию, Марк пошёл вниз и больше сюда не возвращался.

Глава 4. Шизофрения

Марк не пользовался блокнотами. Однажды вечером, рассматривая фотографии в галерее смартфона, он наткнулся на тот самый узор с монолита. Ему показалось, что было бы неплохо переписать от руки куда-нибудь этот рисунок и посмотреть, что получится. Под руку попала та самая пустая книжица, подобранная ещё в прошлом году со скамейки. Марк, как и большинство людей двадцатых годов, жил в небольшой квартире многоэтажного дома, на условиях ипотечного кредитования. Создавать семьи уже давно стало некоей роскошью и привилегией и, если у родителей Марка в своё время не возникало и тени сомнения о необходимости создания ячейки общества, то сегодня институт семьи выродился в своеобразный способ подчеркнуть материальный и социальный статус, или соединить семьи бизнесменов и политиков кровными узами, как в старые добрые феодальные времена. Разумеется, Марк к этим кастам стоял не ближе, чем к небесным светилам. По обыкновению, свойственному одиноким мужчинам, в его берлоге вещи никогда не лежали на своих местах, так что книги могли находиться на кухонных полках, а нагромождения грязной посуды на тумбе частенько шли в качестве дополнения к небранной по-

стели. Тем удивительнее, что старая книжка не затерялась и в нужный момент оказалась под рукой. Сидя за маленьким письменным столом, Марк раскрыл белоснежные страницы, но в последний момент ему стало жалко портить такую древность. Решение пришло быстро и он, словно школьник шпаргалку, переписал на собственную руку вязь из светлых прожилок с фотографии странного монолита.

Спустя три дня соседи с нижнего этажа позвонили по телефону экстренных служб. Как утверждали пенсионеры – пожилая пара, рано утром они проснулись от ужасного шума, напоминающего падение с высоты нескольких тяжелых предметов. Конечно, в 2029 году, как правило, соседи не знакомились и не общались, но всё же, глава семьи, который ещё помнил другие времена, решил подняться, позвонить в дверь и поинтересоваться, всё ли в порядке. Дверь никто не открыл, поэтому пенсионеры решили обратиться в полицию и к спасателям. После того, как дверь квартиры была вскрыта, спасатели обнаружили тело Марка с несколькими пулевыми отверстиями. Экспертиза показала, что он застрелился из автоматического оружия, не оставив никаких предсмертных посланий. В истории болезни, которую приложили к делу, значилось, что погибший страдал от шизофренического расстройства, усугубленного посттравматическим синдромом.

Глава 5. Аноним

Сидя за столиком в ресторане Pelican Grill, что в Ньюпорт Кост, Деян Амадеус ожидал свой любимый стейк. Уже давно

он не испытывал такого приятного томления, но дело было совсем не в блюде.

Примерно с восемнадцати лет Деян уже мог себе позволить что угодно и когда угодно из всего мирового разнообразия товаров и услуг, которые вообще можно приобрести за деньги. Тот факт, что большие траты и расточительность приводят только к ещё большему увеличению капитала, казалось, был противоестественным и очаровывал его когда-то, но сегодня для него это стало таким же очевидным законом жизни, как и то, что человеку нужно дышать, чтобы жить или то, что день всегда сменяется ночью. Покупая очередной IT- проект, он мог потратить миллиарды амеро, но цены на акции компании, после поглощения стартапа монополистом, тут же взлетали, компенсируя вложения. Он мог легко выбросить сотни миллионов на покупку крупной коллекции уникальных автомобилей, но через пару лет на аукционе торги за его коллекцию начинались с ещё большей планки. Что бы ни делал мультимиллиардер эпохи третьей промышленной революции, какими бы необдуманно и иррационально ни казались финансовые решения, это всё равно приводило к росту прибыли. Появилась даже когорта богачей-промышленников и владельцев крупных корпораций, которые соревновались в реализации максимально абсурдных финансовых стратегий. Их решения порой походило на поведение любопытных детей, подкладывающих монетки под катки поезда, смешивающих муравьёв с жука-

ми в одной бутылке или скатывающих камень с высокого холма просто для того, чтобы посмотреть, что произойдёт. И миллионы инвесторов, считая подобные решения проявлением гениальности глав корпораций, просто обрушивали цифровые сервисы бирж, в надежде оказаться в числе первых вкладчиков, пока цена на акции ещё не улетела к Луне. Деян Амадеус как раз принадлежал к этой когорте, но даже по меркам своей ниши считался слегка безумцем. Это помогло ему возглавить список наиболее состоятельных магнатов Нового Вавилона. Чтобы оценить уровень непредсказуемости миллиардера достаточно привести такой пример — полгода назад он приобрел контрольный пакет акций самой популярной в англоязычном сегменте образовательной онлайн платформы просто потому, что его маленькому сыну не нравилось сидеть, полчаса глядя в монитор. После заключения сделки был введён персональный рейтинг учеников. Обладатели самого высокого рейтинга могли обучаться на тех условиях, которые они сами придумают, в то время суток, когда захотят и в том месте, где душа пожелает. Разумеется, младший сын Деяна обладал самым высоким рейтингом и занятия его представляли собой прослушивание аудио-уроков по двадцать минут во время прогулок с собакой, что не помешало бы ему претендовать на сертификат высшего уровня, как и любому другому ученику со статусом выше 9.85.

Эксцентричный Деян быстро насытился обычными спо-

собами потребления, как это нередко бывает с людьми его ранга. В стремлении к своей финансовой мечте, он и подумать не мог, какой пресной может оказаться жизнь в достатке, ведь всё, о чём ты мечтал уже давно принадлежит тебе и желать больше нечего. Выбор дальнейшего направления в жизни, после перехода этой черты, зависит только от качеств личности: от её силы, амбиций, творческого потенциала и умственных способностей. Прекрасно понимая степень цензуры информации в Интернете, а так же предпосылки появления тех или иных трендов и повесток, он умел фильтровать контент, читать между строк новостные статьи, выявлять заинтересованность сторон в склонении общественного мнения в какую-либо сторону. По правде говоря, ориентироваться в этом хаотичном, казалось бы, водопаде информации можно было научить даже его среднего сына, а ему всего лишь двенадцать лет – нужно лишь понимать, что мнимое разнообразие источников и средств массовой информации можно объединить в группы источников, которые, в свою очередь, сливаются в более крупные потоки, а те соединяются в один и так далее, пока мы не дойдём из дельты реки информации к самому устью, где находится главный рупор вполне определённой корпорации. Запустив из центрального источника любую повестку, каждая достаточно могущественная корпорация способна добиться того, что нужная информация в удобоваримой форме будет транслироваться буквально из каждого утюга и даже больше. По этой причи-

не Деян пользовался обычным Интернетом только в рабочих целях, а для поиска чего-то более интересного отправлялся в Нижний Интернет – пока ещё свободную от регуляции область глобальной паутины. Без специальных технических знаний попасть в это пространство простой обыватель не мог, а на психике непосвящённого человека визит в подземелья Интернета, где царила полная свобода мнений, повлиял бы не лучше, чем путешествие в одиночку по Африке без денег – на рафинированного хипстера из Лонг Айленда. Зато здесь не было вездесущей рекламы и пропаганды – обитатели тёмных уголков Сети не чувствовали себя под воздействием машины по манипуляции сознанием и представляли друг перед другом во всей своей грубости, прямоте, ненормальности и даже фанатичности, что невозможно на “белых” ресурсах. Там он частенько сидел на анонимных форумах, что казалось забавным – этакое “хождение в народ”. Вспоминая историю, он чувствовал себя фараоном или императором, бродившим с посохом, в крестьянском балахоне, по своим владениям, дабы узнать, чем дышит простой люд. В одной дискуссии с неким анонимом, утверждавшим, что он знает нечто о конце света, что всё тайное мировое правительство – лишь сборище напыщенных, самодовольных богачей, одной ногой в могиле, возомнивших, будто они могут как-то повлиять на процессы, происходящие в мире, а так же рьяно заливающим что-то о существовании НЛО, Деян заключил пари. Анонимные форумы всегда полны подобными

психами и ничего нового в тезисах не было, за исключением одного— оппонент готов был безвозмездно отправить некий ключ от знаний любому адресату при условии, что тот напишет на своей ладони последовательность странных символов и разместит фотографию как доказательство в чате ветки обсуждения. Желающих оказалась уйма и Деян посчитал, что ему очень повезло, ведь именно ему выпала возможность сегодня разместить фотографию с “ключом” и датой получения в ветке форума, что помогло бы ему в очередной раз вывести на чистую воду выскочку, возомнившего себя провидцем. Мелочь, не достойная взрослого человека, но надо признать, что в этой игре есть что-то приятное.

Деян уже почти расправился со своим стейком прожарки well done, когда его помощник наконец-то прибыл в ресторан. Вид у Стивена был такой, как будто ему пришлось ради этой встречи сразиться с парой чудовищ прямо на парковке заведения. Он поздоровался и без лишних слов положил перед Деяном прямоугольный свёрток из плотной бумаги.

—Спасибо Стивен —, поблагодарил помощника Амадеус — Кто там сейчас у нас организатор презентации? Предупреди их, что меня не будет.

— Но, акционеры ещё с прошлого года раскупили все слоты. У нас будет настоящий аншлаг. К тому же, по сценарию треть мероприятия должна пройти с вашим участием, босс—, пытался возразить Стивен.

— Думаю, эти идиоты могут и должны стать более креатив-

ными, уметь импровизировать хотя бы иногда, иначе, зачем я содержу толпу кретинов с их семьями, детьми, друзьями и подружками? Сегодня я занят и не собираюсь пахать за них—, отрезал он, с вожделием распаковывая посылку.

Речь шла о презентации очередного умного девайса нового поколения, производимого одной из компаний Деяна. Такие презентации собирали самых крупных акционеров и проходили в стиле хайтек. По большому счёту, поколения девайсов мало чем отличались между собой и обладание ими считалось, скорее, знаком принадлежности к «касте причастных», чем продиктовано технической необходимостью. Деяну было всё равно, он знал, что акционеры будут вкладываться в акции и дальше, клиенты так же будут стоять в очередях на открытии продаж по всему миру, а ростки конкуренции будут или растоптаны или пересажены в огород его корпорации. Так что, ему на все эти категории было глубоко плевать, уважения к ним Деян не чувствовал и считал нежелание присутствовать на очередном подобном мероприятии очень весомым аргументом, чтобы заняться более интересными вещами.

Глава 6. Сон.

Ледяной, шквалистый ветер бил прямо в лицо, то и дело сбивая путника с ног. Бушевала метель и приходилось идти против ветра. Колени окоченели и не сгибались, а пальцы рук и ног давно потеряли чувствительность. На нём бы-

ла одежда из оленьих шкур, включая шапку, рукавицы и обувь – так обычно одеваются коренные народы Заполярья. Вокруг же царила белая мгла и он не мог разглядеть ничего, кроме снега. Бесконечная ледяная пустыня, одинаковая во всех направлениях. Теперь он не шёл, а полз на четвереньках. Он знал, что идёт в нужную сторону и знал, что не должен останавливаться. Откуда-то прозвучал всепроникающий, всесильный голос и повелел – «иди и смотри». Подняв замёрзшие от беспощадного мороза веки, он увидел, что перед ним на небольшом расстоянии стоит огромная, как гора, раскрытая книга, а на пустых страницах сами по себе пробегают строка за строкой странные огненные символы, будто кто-то пишет заклинания невидимым пером.

– Я вижу, теперь я вижу –, хрипел он.

– Да будет так –, отвечал неведомый голос.

Глава 7. Гости

На следующий день Деян Амадеус приехал на одном из своих беспилотных автомобилей в офис и велел никого не впускать, запретив беспокоить его. Выглядел он слегка постаревшим, а взгляд стал каким-то стеклянным и устремлённым в пустоту. Вопрос Стивена о том, всё ли в порядке, он просто проигнорировал. Деяну было о чём подумать. С того часа, как необычная посылка попала к нему в руки, что-то в его душе изменилось. Сейчас он думал про сон. Ему уже много лет ничего запоминающегося не снилось, но с самого утра в голове не переставал звучать тот самый голос. Сила

голоса, прозвучи он сейчас, в сию минуту заставила бы его встать на колени или уйти отшельником в лес – каким-то образом она уничтожала и подчиняла волю с первых же слов.

Вдруг, зазвонил телефон. Секретарша сообщила о двух посетителях в приёмной. Это должно было привести бизнесмена в бешенство, ведь он запретил тревожить его сегодня, но почему-то Деян отреагировал спокойно и даже пригласил гостей в кабинет. В дверях показались две фигуры: один мужчина средних лет, невысокого роста, в очень скромном, стареньком костюме и очках с толстыми линзами, а рядом его спутник – подросток лет четырнадцати с глазами цвета льда, в странной чёрной робе, обвязанный по поясу простой верёвкой. Он выглядел совсем как молодой монах из исторических фильмов про средневековье, но Деян не был уверен, существуют ли монахи столь юного возраста. В руках юноша держал небольшой предмет в форме лукошка. Амадеусу показалось, что лукошко выполнено вовсе не из ткани, а сделано из металла, похожего на бронзу.

– Сегодня у меня не приёмный день –, отстраненно процедил он –, так что надеюсь, вы по очень важному делу.

– Прошу прощения за беспокойство, господин Амадеус –, слабым, скрипучим голосом сказал мужчина в костюме –, мы совсем ненадолго.

– Выкладывайте скорее –, холодно выпалил Деян.

– Для меня большая честь присутствовать на личной встрече с вами. В каком-то смысле, я шел к этому всю свою

жизнь —, скромно улыбаясь отвечал гость.

— Поздравляю, мечты сбываются.

— Да, благодарю. Так вот — наверное, вы обратили внимание на то, как сейчас в мире стало чрезвычайно беспокойно, происходят различные события одно за другим...

— Просто гениальная констатация —, ядовито отмечал Деян.

— ...И мы полагаем, что ваше участие стало необходимым, с некоторых пор —, невозмутимо продолжал гость —, если можно так выразиться, то время пришло —, Странный мужчина в потрёпанном пиджаке как-то неуверенно улыбался, произнося это, будто человек, неумело рассказавший забавную историю и ожидающий какой-либо реакции от слушателей в ответ.

— Кто вы?

— Видите ли, к вам в руки накануне попал кое-какой предмет —, игнорируя вопрос продолжал гость —, эта книжица проделала долгий путь, прежде чем оказаться у вас в столе. Предыдущий владелец заплатил немаленькую цену для того, чтобы выполнить свою миссию по передаче её вам.

Деяну вдруг показалось, что дело пахнет шпионажем или даже шантажом от каких-то мелких проходимцев.

— Я спрашиваю, что тебе и твоему ручному попрошайке нужно у меня в офисе в моё личное время, придурок?! Вы точно не перепутали адрес? Может быть, вам лучше поискать ночлежку, пока не стемнело? Я вам быстро окажу по-

мощь с этим —, рявкнул Деян и начал было набирать номер службы безопасности, как вдруг мальчик сделал полшага в его направлении и пристально посмотрел бизнесмену в глаза.

Деян медленно положил трубку. Из его глаз текли слёзы, лицо стало бледным, а на лбу выступил холодный пот. Упав на одно колено, он сложил дрожащие руки перед собой, словно для молитвы, склонил голову и закрыл глаза. Совершенно беззащитный и лишенный всякой воли к сопротивлению — так выглядел бы поверженный варвар у ног римского легионера, с безропотной покорностью ожидающий своей судьбы.

— Я не знал, не знал, не мог знать —, почти рыдая, шёпотом повторял он.

— Господин Амадеус, ещё раз простите за внезапный визит. Если вас не затруднит, меня уполномочили пригласить вас на одну очень важную встречу. Хороших вам выходящих! —, как-то чересчур вежливо и учтиво распрощался мужчина в костюме. При этом, он аккуратно вложил небольшой конверт в карман пиджака Деяна и ещё раз тихо напомнил — «время пришло». После короткого диалога оба гостя тихо удалились, оставив главу бизнес-империи наедине с сами собой на обломках иллюзий о собственном могуществе.

Глава 8. Новая роль

Буквально через три дня после встречи магната со странными посетителями, все мировые СМИ, а особенно бизнес

издания, наперебой печатали сенсационные новости с одной и той же фотографией на первой странице – портретом Деяна Амадеуса. Новость о том, что в зените успеха он покидает свою позицию, затмила абсолютно все другие события. Ни у обывателя, ни у среднего или крупного бизнесмена, а тем более у политиков в голове не укладывалось, как такое могло произойти. В каком-то смысле, Деян был примером для подражания, его биографию изучали под микроскопом и составляли по ней методики по достижению финансового успеха. На его компании и производства возлагались большие надежды, и многие верили, что прогресс толкают вперёд именно такие люди, как Амадеус, говорили, что именно его решения спасут мир от экологической катастрофы и проблем с демографией. Много раз его сравнивали с гениальными изобретателями и инженерами вроде Томаса Эдисона или Вернера фон Брауна. И вот, миллиарды людей просыпаются в одно прекрасное утро, а шаблон их понимания мира трескается всего лишь от одной новости. Прогрессивное общество ищет ответы на вопросы и жаждет поскорее услышать о причинах, побудивших бизнесмена покинуть ключевую для целой группы компаний должность. А ведь, половина из этих фирм была основана самим Деяном и он относился к ним так же трепетно, как и к своим детям. Но никаких пояснений в прессу больше не поступало. Ни утечек, ни инсайдов –ничего. Деян создал абсолютно герметичную оболочку вокруг себя и перестал общаться с журналистами или

любыми другими лицами, потенциально способными слить о нём информацию.

Спустя время, водоворот событий сместил фокус внимания с эксцентричного магната, отказавшегося от достижений всей своей жизни на пике успеха, на других. Нашлись новые кумиры, новые герои и злодеи, как это всегда и происходит. Действительно, многие ли помнят события хотя бы пятилетней давности? Если открыть архив новостей за последние годы, то у любого человека возникнет ощущение, что он прожил это время в коме или пережил амнезию. В тумане времени и потоке возникающих ежедневно инфоповодов, забываются и теряются даже самые значительные события, люди быстро переключаются на новое и больше не вспоминают о том, что было месяц или год назад. Конечно, если иметь ввиду это свойство характера общества, то любое признание и слава сильных мира настолько скоротечны, словно их и нет совсем. Что уж говорить про тех людей, чья известность распространяется только внутри своей семьи и скудного круга знакомых?

Деян Амадеус же вскоре зарегистрировал некоммерческое общественное объединение, сферой деятельности которого, судя по краткому описанию в федеральном реестре, стало содействие в проведении археологических раскопок и исторических исследований. Формально, общество «Мардук» не имело ничего, что отличало бы его от сотен других подобных организаций и фондов. Деян, как руководитель,

появлялся на нечастых конгрессах, где выступал спикером, иногда его лицо мелькало на общих фотографиях со съездов археологов или историков. Так как общение с прессой Амадеус свёл к минимуму, то об активности бывшего предпринимателя возможно было лишь догадываться по редким кадрам с каких-нибудь экономических форумов, бизнес событий рядом с главами транснациональных корпораций, или на встречах руководителей военно-политических или торговых союзов, попасть на которые будучи случайным человеком почти невозможно. Никто не знал наверняка причины, по которым руководитель какого-то заурядного исторического клуба был допущен в кулуары собраний столь высокого уровня, но после небольшого периода дискуссий в прессе и социальных сетях, большинство людей пришли к выводу, что всё дело в его связях, старой памяти о былых успехах и банальном уважении со стороны бывших патронов. Интерес к теме быстро угас и в дальнейшем всерьёз её мало кто поднимал. Люди свыклись тем, что «свадебный генерал» Д.Амадеус присутствует рядом с руководителями, вторыми и третьими лицами всех региональных держав несмотря на то, что многие из этих суверенных образований, насколько вообще уместно упоминать про суверенитет в эпоху глобального мира, находились в исторической конфронтации друг с другом, а особенно после события, впоследствии названного историками Нулевой День или просто День Z.

Глава 9. Нулевой День

По итогам Второй Мировой Войны, победители оказались перед новой глобальной проблемой. Возникла насущная необходимость разделить зоны влияния на планете между двумя полюсами силы – союзом стран северной Атлантики во главе с США и коммунистическим лагерем во главе с СССР. Абсолютно компромиссного решения не могло существовать по идеологическим, экономическим, географическим и другим причинам. Союзники в борьбе против общей угрозы, после преодоления этой угрозы, осознали, что каждый из них слишком силён, чтобы довольствоваться положением равного партнера или, хотя бы, поддерживать дружеский политический курс. Если сильно упростить, то можно сравнить это с ситуацией, при которой двое вооружённых до зубов кладоискателя победили стража, охраняющего сундук с золотом в тайной комнате, и вот – теперь эти двое стоят над сокровищами, направив друг на друга пистолеты.

Цепочка взаимных подозрений в агрессивных планах привела к началу холодной войны. Вся архитектура международных отношений до конца двадцатого века определялась именно итогами Второй Мировой Войны и затрагивала почти все сферы деятельности человека. Однако, ростки перемен начали появляться задолго до изменения старого миропорядка. Технологии развивались стремительно, появилась вычислительная техника, позволившая усовершенствовать экономическую систему, настоящая революция происходила в мировоззрении молодежи, массовая культура бурно

цвела, образуя новые направления в литературе, кино, музыке, живописи, архитектуре. Люди увидели мир без больших войн, ощутили впервые настоящую свободу личности, впервые получили равную возможность подняться по социальной лестнице при достаточном старании, о чём раньше многие могли только мечтать. В то время было совсем не очевидно, что именно конкуренция между двумя лагерями, угрожавшими друг другу ядерным апокалипсисом, привела к беспрецедентному экономическому и демографическому росту, благоприятно повлияла на положение рядового гражданина, стала катализатором небывалых технологических прорывов, помогла человеку вырваться в Космос, прикоснуться к Луне и отправить умные машины к другим планетам Солнечной системы. Никто не мог предположить, что борьба с сильным делает сильнее, а отсутствие врагов так же губительно, как и отсутствие иммунитета. Соцлагерь потерпел поражение в этом противостоянии, пишут в учебниках новейшей истории, но эйфория от победы ослепила многих в 1991 году. На самом деле, сокрушение коммунизма для лагеря капиталистических стран по значимости было равно медленному самоубийству, а время окончательной смерти определялось только тем, как долго победившие стороны смогут питаться остатками трупа поверженного колосса. Обилие хлынувших на рынки дешёвых ресурсов на некоторое время наполнило свежей кровью объединённую экономику демократического союза. Вкупе с отпавшей необ-

ходимостью вкладывать львиную долю бюджетов в оборону по причине отсутствия врагов, коллективный Запад получил возможность, с одной стороны, сэкономить на войне, а с другой – доступ к несметным сокровищам соцблока. Никогда и никому так не везло с начала отсчёта истории государств. Европа, прозападная Азия, Австралийский регион и Северная Америка окунулись в период неслыханного роста. Бесконечно растущий спрос подстегнул промышленность, а та, в свою очередь, обрушила на потребителей настоящее цунами товаров. Продажи недвижимости и техники подскочили до небес, а объём инвестиций внутри экономического блока и даже в его периферии превысил все мыслимые пределы. Никогда ещё граждане этих стран не имели столько свободных средств как в первое десятилетие после крушения СССР, благодаря чему стало возможным даже возникновение или развитие новых видов культур поверх базовой. Ко всему прочему, победитель, подобно чудовищному магниту, вытянул весь интеллектуальный потенциал и интеллектуальные ценности из стран потерпевших поражение, во много раз умножив тем самым изобилие на своей территории. Всё перечисленное – только торчащая из моря верхушка огромной золотой горы, к которой посчастливилось причалить кораблю капитализма. Ежедневно прикармливайте льва в течение нескольких лет хорошими порциями нежного телячьего филе, и вы увидите, как грозный хищник превратился в огромного, жирного домашнего кота. Охотиться такой зверь ни-

когда уже не сможет, а если прекратите кормить, то он просто погибнет с голоду, даже если бросить его в саванне, от края до края наполненной стадами диких антилоп. Точно так же и победители коммунизма постепенно опустошили невообразимо огромные, но не бесконечные закрома поверженного врага. Лишь когда обнаружилось, что закончилась последняя бочка с бесплатной нефтью, сгорел последний кубометр бесплатного газа, иссяк последний мешок с бесплатным зерном, не приехал работать последний бесплатно обученный учёный, иссохли реки бесплатного золота, драгоценных камней, железа, алюминия, титана, меди, хрома и редкоземельных металлов, только тогда Запад спохватился, но было уже банально поздно. Изобилие привело лишь к короткому процветанию, выражающемуся в немыслимом росте потребления во всех уровнях. Но потребление не означает развитие. Основы развития закладываются загодя, сани готовят летом, а не зимой, а в масштабе экономических зон требуются десятилетия, чтобы создать задел на будущее. Таким образом, в отсутствие всяких стимулов к настоящему развитию, страны-победители оказались в положении фермера, который только поздней осенью обнаружил, что амбары пусты, кладовки тоже пусты, запасов корма для скота не имеется, ничего не заготовлено впрок, а то, что было, съедено ещё летом. А ведь на носу зима. Суровая зима. В довершение к перечисленному, так же следует знать, что к началу Миллениума акулы войны с обеих сторон, всю вторую поло-

вину двадцатого века прожившие в параноидальной жажде стереть с лица Земли своих идеологических противников, уже превратились в немощных стариков или лежали в могиле, забрав с собой туда и Первую Холодную Войну.

Эпохи оканчиваются знаковыми событиями. Одна эпоха всегда сменяется следующей. Сколько бы ни гнило старое дерево, рано или поздно оно рухнет, не выдержав веса маленькой птички, севшей на сучок. Эта птичка и есть то самое событие, которое ставит точку в летоисчислении каждой эпохи. В разные времена разные птички обрушивали старые мировые порядки. В конце пятнадцатого – начале шестнадцатого века, неизвестные коренные жители Нового Света увидели на горизонте белоснежные паруса неведомых кораблей. Эти паруса означали конец истории Мезоамерики и гибель всех цивилизаций, населявших тогда оба континента. Юная, неграмотная крестьянка из богом забытой деревни, переломила ход Столетней войны, что привело к сохранению Франции как независимого государства. Той самой Франции, которая, через некоторое время, сожгла на костре революции феодальный строй и стала сильнейшей державой Европы под руководством Наполеона Бонапарта. Девятнадцатилетний студент из Сербии одним выстрелом сломал старый европейский порядок, в результате чего сразу четыре империи перестали существовать.

В феврале 2009 года два мальчика из какой-то страны в Северной Африке разместили в социальных сетях видео. В

кадре лежал окровавленный ребёнок лет десяти, на котором не было живого места, а над ним стоял мужчина в форме бойца специальных сил полиции в шлеме и с дубинкой в руках. Ужасные кадры сопровождались воплями, плачем и внезапно прерывались как раз в тот момент, когда полицейский широко замахивался дубинкой над несчастным. Точное место съёмки определить было невозможно из-за плохого качества ролика, но в каждой стране Магриба нашлись люди, клятвенно твердившие, будто они видели эту сцену своими глазами в таком-то городе, а некоторые даже уверяли, что знают этого мальчика, который, по их словам, после жестокого избиения в муках погиб. История обрастала новыми подробностями, пока волна народного гнева не прорвала плотину, вылившись в масштабные протесты, а потом и гражданскую войну сначала в Ливии, а далее – в соседних странах. Пожар революции было уже не обуздать. Он перекидывался с одного государства на другое, пока третья часть мира не оказалась в хаосе уже к июню. Впрочем, революцией в классическом понимании эти перемены назвать было нельзя. Протестующие не требовали смены политического или экономического строя, они требовали смены текущей власти. На то существовали объективные причины и связаны они как раз с наследием Холодной войны. Эпоха – это всегда люди. Эпохи не заканчиваются подписанием соглашений, эпохи уходят только с людьми, построившими её. И несмотря на то, что официально холодная война была окончена, де-

факто мало что изменилось, ибо люди остались на своих местах. Усреднённый срок обладания властными полномочиями среди лидеров всех стран мира уже составлял 41 год и продолжал неуклонно расти. Таким образом, глобальный кризис представлял собой войну молодых поколений против намертво проросшей в тело мира геронтократии, отравившей своим старческим смрадом веру в будущее. День, когда злосчастное видео попало в сеть, с легкой руки журналистов крупных изданий стал называться Нулевой День. Это была та самая птичка, под которой старый мировой порядок сложился словно трухлявый дом и на его обломках из хаоса начали проглядываться очертания нового мира. Что касается мальчиков, ставших триггером мирового пожара – впоследствии оказалось, что два сорванца влезли на пальму, чтобы полакомиться финиками. Один из них сорвался и ободрал руку об грубый ствол пальмы, а потом, падая, налетел на изгородь. Ссадины и царапины причиняли боль, но обиднее всего мальчугану было из-за разорванной одежды, купленной совсем недавно на рынке. Чтобы утешить его, приятель предложил снять шуточное видео. Они пошли к старшему брату упавшего с дерева мальчика, которому очень понравилась идея и он даже нацепил отцовскую служебную экипировку для остратки. Отец их действительно работал в полиции. Ребята сыграли так естественно, что видео со сценой избиения полицейским уже и так окровавленного подростка моментально разлетелось по всем видеохостингам и сообще-

ствам в Интернете. Шутка вышла из-под контроля.

Через два года уже никто и не помнил, из-за чего всё началось. От первых революционеров никого не осталось. Эстафету подхватили совершенно другие силы – теперь всё переместилось в плоскость вооружённого противостояния за власть между различными интернациональными бригадами, национальными легионами, сторонниками старых режимов и ещё сотнями группировок, вектор борьбы которых менялся ежедневно и непредсказуемо, подобно морским ветрам. Единственными островками относительной стабильности оставались ядерные державы и их сателлиты, но и в этих регионах котёл внутренней напряженности бурлил, периодически оборачиваясь социальными взрывами.

Всё это, вкупе с параллельно продолжающимся проникновением цифровых технологий во все сферы человеческой жизни, привело к сейсмическим сдвигам в глобальной политике, а следовательно – и во внутренней политике каждого государства. Главным словом и идолом нового века стала “бе-зо-пас-ность”. Отныне, базовые права человека, этика, гуманизм, свобода личности, экономические приоритеты, а также любые другие фундаментальные понятия Старого Мира стали рассматриваться только через призму безопасности. Бе-зо-пас-ность стала первым критерием соответствия. Были пересмотрены и регулярно пересматривались абсолютно все возможные правила: пропускной режим и правила нахождения в учебных заведениях, правила вождения, правила

перемещения между городами, регионами и странами, правила пользования цифровыми ресурсами, даже правила посещения магазинов или кинотеатров. Список можно продолжать бесконечно. Новые реформы затронули все госструктуры, но больше всего, конечно, органы власти и силовой блок. Спустя еще пятнадцать лет, области свободы перемещения граждан по всему миру представляли собой сотовую структуру. Нет, никто не отменял свободу передвижения, всё так же возможно было получить визу и полететь в другую страну с целью путешествия на пару недель. Однако, экономические и бюрократические барьеры фактически свели к минимуму количество людей, покидающих свой сектор на длительный срок. Размеры секторов в различных странах отличались. Скажем, в Европейской зоне они составляли примерно двадцать километров в диаметре, а в Новом Свете до двухсот. Покидать сектор надолго без метки сертифицированного путешественника было проблематично в связи с визовыми режимами родного и гостевого секторов. Так же, пересечение границ своего сектора сразу увеличивало финансовую нагрузку на гражданина, т.к. пользование всеми услугами, покупка товаров, связь, налоги, проживание— всё это делало невыгодным и редким перемещение вне родного сектора даже внутри своей страны. Виртуальное пространство не было исключением. Доступ к глобальной сети в первоначальном смысле уже был недоступен человеку без специальных технических знаний. Сервисы, информация из поиско-

виков, реклама и весь мультимедиа контент предоставлялся пользователю с учётом его геолокации, языковой и культурной принадлежности. По сути, Интернет как глобальное пространство уже трансформировался в ячеистую структуру, в которой каждый пользователь оставался внутри территориального информационного пузыря. Поисковики в приоритетном порядке искали и предоставляли информацию внутри одной ячейки, а оптимизация услуг позволяла клиенту найти в своём секторе тот минимум, который необходим для существования, то есть несущую практическую ценность информацию, но не более того. Некогда единое информационное пространство, к 2027 Интернет году окончательно преобразовался в Локалнет, в котором пользователи помещались в ограниченную машинной цензурой зону. Разумеется, этот процесс, как и все остальные, был инициирован стремлением к безопасности и устойчивой работе сети.

Уже с 2024 года началось стремительное изменение геополитического ландшафта. В течение предыдущих десяти лет, по всей планете вспыхивали локальные конфликты, а по сути – гибридные войны между крупными игроками. Понятие прокси-войны, раньше считавшееся чем-то из разряда теорий заговоров, вошло в повседневный обиход при обсуждении политики. Количество подобных местных кризисов увеличивалось в арифметической прогрессии, достигнув кульминации у той черты, когда инициаторы этих конфликтов с обеих сторон не оказались в сплошном “огненном коль-

це” прямо по периметрам своих границ. Естественным направлением русла событий, начиная с этого периода, стало объединение региональных держав в союзы – военно-политические и экономические в эквивалентной степени. По сути, каждая коалиция стала представлять собой союзное государство, объединенное общими экономическими положениями, единой армией, договорами в области безопасности и, что самое важное – идеологией. Красный Союз называли реинкарнацией СССР, но центр тяжести нового гиганта теперь находился гораздо восточнее – в Азии. Территория Союза простиралась от Финского залива на Северо-западе до Желтого моря на Юго-востоке и от Берингова пролива на Северо-востоке до Персидского залива на Юго-западе. Идеология, царившая на этих территориях, названия не имела, а само существование идеологии в принципе власти отрицали. Тем не менее, суммируя подходы в экономической политике, информационной политике, в области права, отношении к культуре и свободам, внимательный ум безошибочно определил бы признаки неокommунизма. Новый Вавилон, как антагонист Красному Союзу, являл собой традиционную коалицию Северной Америки, Западной Европы, Австралии, Японии и Южной Кореи. В качестве идеологического цемента, который скреплял между собой главные блоки союзного государства Новый Вавилон, стала парадигма Атлантизма, но переработанная соответственно требованиям текущего времени. Кажется очевидным, что в регионах Нового Ва-

вилона экономика считалась гораздо более либеральной, а в качестве главных ценностей декларировались свобода, свобода и еще раз свобода. Конечно, не в ущерб безопасности. И последний пункт был тем ключевым звеном, которое превратило неолдемократию в нечто, совершенно не похожее на тот рай, который забрезжил когда-то на горизонте перед людьми Западного мира на закате Холодной Войны. Географические области интересов обеих коалиций разделились буферными зонами, для исключения прямого приграничного контакта. Эти же территории стали главными полигонами и даже тараками, позволяющими, с одной стороны, сохранять некоторую дистанцию от идеологических противников, а с другой стороны – буферные зоны служили индикатором боеготовности и средством проверки технологических возможностей оппонента. Главная и самая значимая полоса разделения протянулась от Балтики до Черного моря и называлась Интермариум – Междуморье. Идея широкого буфера, состоящего из цепочки полузависимых стран, балансирующих между двумя противоборствующими лагерями, возникла сразу после Первой Мировой Войны, но тогда инициатива Юзефа Пилсудского – автора этого плана, потерпела крах. Реинкарнация Интермариума не стала точной копией первоначальной версии ни по концепции, ни по архитектуре, но, тем не менее, название своё это геополитическое образование переняло от оригинала.

Глава 10. Лев

В кабинете Генерального Секретаря пахло деревом. Лев Селезнёв каждый раз ловил себя на мысли, оказываясь здесь, что это не кабинет, а какая-то машина времени. Он был готов биться об заклад, что со времён Леонида Ильича здесь не изменилось абсолютно ничего. Лакированный паркет, натёртая до блеска массивная дубовая фурнитура, оттенки красного в элементах мебели, рубинового цвета огромные шторы, элементы декора, сохранившиеся со времён самого Сталина, древние телефонные аппараты, невероятные, огромные люстры на латунных подвесах, монументальные книжные полки, на которых в середине аккуратно и последовательно была помещена вся Лениниада от начала и до конца, публикации И.В.Сталина, Маркс и Энгельс, а на нижних и верхних полках – ряды менее известных апологетов коммунизма. Он прекрасно помнил из детства, как его отец – партийный работник, брал его малышом с собой на работу. В памяти Льва очень прочно отпечатались те ассоциации и чувства, которые он испытывал, находясь в коридорах госаппарата. Сочетание цветовой палитры, характерной для административных учреждений СССР, бодрый треск печатных машинок, вездесущий запах бумаги – ведь картотеки, журналы, личные дела, приказы, распоряжения, архивы и ещё десятки видов документации, которой живёт бюрократический организм, занимали большую часть здания, всё это казалось мальчику таким неведомым и интересным, что каж-

дая деталь въедалась в сознание. Он искренне не понимал, несмотря на свой, уже приличный стаж работы госслужащим, почему ни один Генеральный Секретарь так и не решился внести хоть какие-то изменения в этот музейный интерьер. На взгляд прогрессивного чиновника это выглядело забавно, но архаично и навевало тоску.

– Лев Валерьевич, добрый день –, дружелюбно приветствовал чиновника Генеральный Секретарь, приглашая его за стол совещаний.

Для Льва Евгений Максимович Грачёв – уже почти пожилой, грузный человек, несмотря на своё слабое здоровье, был совершенным хозяином власти. Власть ощущалась в голосе, во взгляде, в движении и неподвижности. Ни в какой другой роли представить такого матёрого хищника просто невозможно – этот человек определённо занимал своё место.

– Товарищ Генеральный секретарь, здравствуйте –, скромно принял приветствие Лев.

Встреча была закрытой, поэтому намёк на официальный тон сразу сменился простым обращением руководителя к подчинённому:

– Лев Валерьевич, как вы себя чувствуете? Как дела в министерстве?

Сегодняшняя встреча была для Льва – заместителя министра природных ресурсов, внеплановой, поэтому можно было лишь догадываться о целях приглашения. Как опытный управленец и просто как предусмотрительный человек, он

подготовился и был в курсе большинства процессов в своём поле ответственности.

– Благодарю, Евгений Максимович. Министерство активно работает над новыми госпроектами. Я подготовил актуальный отчёт. Предварительно, по итогам третьего квартала, есть признаки выхода на плато в объёме добычи природного газа на крупнейших месторождениях Ямала, бассейна Волги, шельфовых...

Привычный порядок изложения доклада о результатах работы подотчётного ведомства вдруг прервался.

– погоди, ты не торопись, Лев. Сегодня никаких отчётов. Разговор будет немного о других перспективах. Во всяком случае то, что мне нужно я знаю и без ваших отчётов – Грачёв хитро ухмыльнулся, перейдя на фамильярный тон.

Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

– Я хорошо знал твоего отца, он был преданным своему делу и надёжным человеком. Впрочем, это можно сказать обо всей вашей семье. Интересы государства для вашей семьи были святым Граалем, Лев. Ты знаешь это? Я за тобой наблюдаю с тех самых пор, как ты поступил на государственную службу. То, что каждый чиновник находится под микроскопом, секретом вряд ли является, но с тобой история другая –, Генеральный Секретарь въедливо прищурился, будто исследователь, пристально изучающий лабораторный образец.

Лев слегка был сбит с толку таким поворотом беседы. Да,

он действительно знал и давно свыкся с тем, что тайн от служб безопасности у чиновников быть не может и вся его жизнь уже давно собрана в досье. Но что такого интересного первое лицо в государстве могло обнаружить в его биографии? Селезнёв не нашёл, что ответить и продолжил слушать.

Тут Грачёв наклонился вперёд и перешёл почти на шёпот —, есть люди, которых мало кто замечает и ещё меньше догадывается о тонкой сути проделываемой ими работы, но острый ум, твёрдая рука, приверженность идеям и преданность этих людей защищают наш огромный корабль, нашу империю, и ведут его сквозь опасные воды истории. Именно таким гражданином являлся Валерий Михайлович.

Льву вдруг стало слегка не по себе. Он не мог никак понять, к чему эти комплименты от Грачёва по отношению к его отцу и остальным членам семьи, но совершенно ясно осознал, что тема беседы вышла далеко за пределы стандартного протокола коммуникации, принятого на таком уровне.

— Поверь мне, ты не знаешь даже десятой доли того, как много твои предки сделали во благо не только империи, но и всего мира. Возможно, мы с тобой сейчас сидим и разговариваем только благодаря таким вот незаметным товарищам, как твой отец.

— Благодарю вас, товарищ Генеральный Секретарь —, заместитель министра был в полном недоумении, но старался держаться спокойно.

Тон Грачёва внезапно сменился на генеральский:

– Тебя я вызвал сегодня не только для того, чтобы поделиться сентиментальными панегириками. Ты отлично справляешься со своими обязанностями на том месте, где находишься, но этого недостаточно. Значит так – ты включён в межведомственную группу и направляешься на следующей неделе в командировку. Предстоят двухнедельные консультации на международном уровне в Вашингтоне. Завтра тебе вручат список лиц, с которыми предстоит провести встречи, а потом выдадут дальнейшие инструкции.

– В Вашингтоне? –, переспросил Лев. Учитывая возраст Генерального секретаря, вполне могла быть оговорка. В конце концов, разные руководители государств каждый день несут в прямом эфире и не такую сюрреалистичную околесицу.

– Округ Колумбия. Там же, где и обычно последние сто с небольшим лет. Кстати, я не случайно упомянул твоего покойного отца. Он неоднократно участвовал на этих встречах. Многие из тех людей, которых вы там увидите, неплохо знали вашего отца, а некоторые имели честь работать с вашим дедушкой, которого вы, к сожалению, не застали.

Лев был потрясён. Почти весь двадцатый век Вашингтон считался столицей вражеского государства и речи о том, чтобы граждане СССР участвовали там в каких-то консультациях и кулуарных встречах быть просто не могло. Некоторые эксперты даже считали Холодную Войну новой формой мирового конфликта и называли её Третьей Мировой. Про-

тивостояние шло абсолютно во всех возможных областях – от военных конфликтов в банановых республиках руками аборигенов до космической гонки вооружений, от эпического противостояния в спорте до всеобъемлющей информационной войны. После не очень продолжительного периода разрядки противостояние снова начало набирать обороты пока даже убеждённым оптимистам не стало очевидно, что в политическом разрезе единой Евразии быть не может. До конца никто не понимал почему, но факт оставался фактом. И потом наступил Нулевой День. Этот день стал последним фрагментом паззла нового мира. Главные игроки окончательно определились с выбором своего лагеря и впоследствии консолидация внутри союзов только росла, пока нити всесторонних связей не соединили их вместе так крепко, что технически каждый из двух больших союзов превратился в единое полигосударственное образование с единым центром силы. Холодная война разгорелась с новой силой и почти все буферные зоны, а в особенности Интермариум, постепенно превратились в бурлящие огненные реки войн, окаймляющие по периметрам оба идеологических лагеря. Сегодня визит чиновника уровня министерства в столицу вражеского союза, по мнению любого гражданина, являлся бы несомненным предательством и преступлением, что вполне согласовывалось с официальной позицией власти. Селезнёв всё больше склонялся к тому, что старый Грачёв что-то путает и, возможно, весь сегодняшний разговор продикто-

ван старческой деменцией, которой, по-видимому, тот давно страдает.

Глава 11. Селезнёвы

Самое первое воспоминание из детства Льва было одним из самых приятных. Он помнил ясный солнечный день 1985 года, брызги солёной воды от набегающих на лапы большого катамарана морских волн, лучезарную улыбку матери в лёгком летнем платье и загорелого отца, который легко управлялся с парусами, направляя катамаран в нужную сторону. Ему тогда было всего три года, но родители решили, что малыш уже готов к перелёту и небольшому морскому круизу. Отец очень любил ходить под парусами, поэтому каждый год приезжал со своей семьёй на фамильную виллу в тихом пригороде испанской Картахены. Родители Льва не ошиблись, когда предположили, что это путешествие действительно запомнится маленькому мальчику. Каждый год хотя бы раз они приезжали в это укромное, райское местечко, неизменно встречавшее Льва приятными солнечными ваннами, лазурными волнами, потрясающей кухней и ещё десятками других развлечений, которые, казалось, никогда не могут надоесть. Уже к десяти годам вместе с родителями он побывал в половине стран мира. Поездки в Латинскую Америку и Африку чаще всего были связаны с командировками отца, поэтому в аэропортах Каира, Аддис-Абебы, Каракаса, Буэнос-Айреса и других он ориентировался не хуже, чем любой советский подросток в заброшенной стройке по сосед-

ству. Так же Селезнёвы иногда посещали Германию, Японию, Великобританию, Францию и многие другие страны. Почему – ни Лев ни даже мама точно не знали, но это было для них и не важно. Глава семьи – Валерий Селезнёв, формально числился партийным работником средней руки при Верховном Совете СССР. Однако, род его деятельности крайне отличался от тех обязанностей, которые обыкновенно возлагаются на политиков второго дивизиона. Собственно, вопросы организации внутрипартийных мероприятий, общественная деятельность и законотворчество вообще не фигурировали в его годовичном расписании. Наоборот – кроме узкого круга лиц внутри Компартии и Верховном совете почти никто не имел представления о том, за что отвечает товарищ Селезнёв, а вне этого круга он и вовсе был никому не известен. Вне партийной иерархии и над номенклатурой – такую позицию в аппарате занимало всего несколько человек. Род Селезнёвых неизменно находился на государственной службе и внутри первого эшелона приближённых к власти, независимо от строя. В семейной летописи, которую фамилия вела со времён императора Александра I Павловича, документально отмечено, что предки Селезнёвых были приближены к государственным делам. Тот факт, что прародители уже тогда стояли возле штурвала корабля Империи, являлся особым предметом гордости для семьи. На судьбоносном для всего мира Венском Конгрессе одним из советников Графа Разумовского – члена спецкомиссии от Российской

Империи, числился и некий господин Селезнёв, хотя этот факт отмечен только в секретных исторических документах. На первый взгляд, их предкам не удалось блеснуть выдающимися достижениями в политике или хотя бы прославиться финансовыми успехами, стать известными промышленниками, но, внимательно изучив историю этой семьи, разумный человек заметил бы несколько примечательных фактов. А именно – на них никак не отразились те разрушительные бури, через которые судьба пронесла Российскую Империю во всех её инкарнациях. Господа Селезнёвы никогда не являлись публичными лицами, никто никогда не привлекал их к коллективной ответственности при смене власти или государственного строя, а ведь на каждом из подобных переломных моментов целые классы были судимы народным судом за грехи предыдущих властителей. Казалось бы, после 1917 года ни один человек, причастный к осуществлению власти Императором, не имел никакой возможности устоять под натиском могучего урагана революции, но нет – кое-кто устоял. Положение семьи никак не пошатнулось ни при переходах власти, на них не отразились ни последствия восстания Декабристов, ни реформы второй половины девятнадцатого века, ни неудачные военные авантюры, ни даже три подряд революции, закончившиеся Гражданской войной и установлением власти большевиков. В то время как судьба вела Великую Империю от одного чудовищного потрясения к другому, эти люди спокойно жили, будто находясь в параллель-

ной реальности. При Николае втором прадед Льва числился в администрации Петра Столыпина и принимал непосредственное и активное участие в разработке и реализации аграрных реформ. Однако, в семейном архиве хранилась фотография из 1913 года, происхождение которой Льва считал совершенно необъяснимым, ведь на ней его прадед Михаил Селезнёв позировал рядом с Президентом США Вудро Вильсоном. После Первой Мировой войны, Октябрьской Революции и Гражданской войны фамилия Селезнёв всплывает уже в составе молодого правительства новообразованной коммунистической страны. Отец Льва – Валерий Михайлович, рассказывая про своё отрочество в Сталинскую эпоху, любил вспоминать, как до переезда правительства Новосибирск, они с родителями, братом и сестрой жили в старом доме на Кузнецком Мосту. Двухъярусная квартира ещё при Александре II стала резиденцией Селезнёвых, в просторных комнатах и залах которой вот уже три поколения они жили счастливой жизнью. В 1920-х годах дедушка Льва занимался дома с частными репетиторами в специально отведённом для учёбы зале на первом ярусе. В этом же зале располагалась огромная библиотека, содержащая как современные учебники и справочники, так и редчайшие экземпляры шедевров мировой литературы на нескольких языках. Никто из предков Льва никогда не ходил в школу, тем не менее, все они обладали превосходным базовым образованием и специальными познаниями в различных науках, достаточ-

но глубокими, чтобы иметь возможность выбирать для своего дальнейшего развития любой университет в любой стране без исключений. В 1950-х отец Льва каждое утро просыпался от аромата горячих багетов из пекарни или от запаха свежего шоколада, который доставляла специальная курьерская служба на автомобиле прямо с фабрики Красный Октябрь. На верхнем ярусе дома Селезнёвых находилась комната для прислуги, сменявшейся по ротации один раз в год, в течение которого покидать резиденцию им не дозволялось. Валерий, будучи сорванцом с непростым характером, доставил немало хлопот этим милым женщинам и это единственное, о чём он вспоминал потом с сожалением. До совершеннолетия Лев почти не задумывался о том, что в истории его клана есть нечто необычное. Подобно тому, как осенью все травы на лугах увядают и умирают, а весной им на смену появляются, буйно расцветая, новые поколения для того, чтобы прожить свою короткую жизнь и снова исчезнуть при первых признаках зимы – так сменялись поколения народов, больших и маленьких людей. Циклы истории, подобно смене сезонов, позволяют каждому поколению достичь процветания на короткий срок, создавая благополучные времена, на смену которым неизменно приходят шторма и периоды катастроф, выкашивающие народы подобно засухе или зимним холодам. Древо рода Селезнёвых стояло как ни в чём ни бывало, неувядающим и вечнозелёным, посреди пожухлых трав, будто не замечая изменений, приносимых течени-

ем времени. Позже Льву стало казаться, что в этом есть какая-то закономерность, ведь не всё зависит от самого человека, в некоторых обстоятельствах требуется удача, а в некоторых – ничто не способно отвести беду кроме высших сил, в существовании которых он сомневался, как человек образованный. Эту закономерность он пытался связать с какой-нибудь экстраординарной способностью его предков находить островки безопасности в периоды хаоса, правильно ориентироваться в розе ветров, принимать правильные решения, и т.д. То есть, по предположению Льва, успех семьи являлся исключительно заслугой её членов и никак не связан с внешней протекцией, ведь о какой протекции может идти речь во время революций или дворцовых переворотов, когда даже самые сильные не готовы поручиться даже за собственную безопасность, не говоря о покровительстве над другими?

Глава 12. Посвящение

Захватив чашечку кофе в небольшом кофейном домике на набережной пруда Конституишн Гарденс, он сел на скамейку под плакучей ивой. На другом берегу пруда красовался великолепный обелиск. Эти древние мегалиты всегда внушали ему необъяснимый трепет. Такие, даже по нынешним меркам, великолепные архитектурные шедевры, разбросаны по всей планете и многие из них имеют признаки использования стандартизированных технологий по обработке твёрдых пород. При этом, великолепный гранитный обелиск по ту сторону водоёма появился так давно, что время его про-

изводства уходит от современников Иисуса Христа дальше в глубину веков, чем Рождество Христово отстоит от нас. Эта мысль вызывала необъяснимый трепет в душе Льва Селезнёва – по сравнению с большими временными масштабами, жизнь человека кажется маленькой искоркой, которая вспыхивает и угасает в одно мгновение, в то время как каменные глыбы, созданные неизвестным конструктором, стоят многие тысячи лет, словно вчера возведённые на постаменты. Глянец их гладкой поверхности ничуть не потускнел, углы не затупились и поверхность не покрылась трещинами. Ещё сотни поколений расцветут и увянут, а мегалиты так и будут сиять, будто тысяча лет для них всего лишь секунда.

Через три часа должна была начаться вводная конференция по серии закрытых международных консультаций с участием представителей разных отраслей. Как правило, тематика таких крупных форумов декларируется заранее, чтобы участники имели возможность подготовиться и сформировать делегацию, но с этой конференцией с самого начала было что-то не так. Даже проводилась она не в специально предназначенном для этого здании, коих в Вашингтоне хватило бы и на пятьдесят подобных съездов одновременно, а в залах Национального Музея Естественной Истории. В прогуливаемом по засыпанным осенней листвой дорожкам Садов Конституции человеку, одетом в длинное серое пальто, с небольшим саквояжем в руке и в дополняющей образ чёрной шляпе, вряд ли можно было бы узнать заместителя

Министра Природных Ресурсов Сибирского Округа Красного Союза. На вид он практически не отличался от десятков работников государственных учреждений правительственного квартала в Вашингтоне, для которых этот парк и прилегающие аллеи стали излюбленным местом для уединения и неспешных прогулок. Через час Лев уже поднимался по ступеням южного корпуса Национального Музея Естественной Истории. О том, что здесь проходит какое-то крупное международное мероприятие было трудно догадаться, потому что отсутствовало привычное для саммитов полицейское оцепление улиц, не наблюдалось и очередей из дипломатических кортежей, обычно с помпой подъезжающих к главному корпусу, не позаботились организаторы ни о красных дорожках, но о патрульных вертолётах, и даже о снайперских подразделениях, занимающих позиции на крышах – ничего из перечисленного здесь не имелось. Обстановку отличало от повседневной лишь временное отсутствие рекламных афиш, информационные таблички с напоминанием для посетителей о том, что в ближайшие две недели экскурсии не проводятся и две полицейские патрульные машины по обе стороны пешеходного перехода через Мэдисон Драйв к Смитсоновской библиотеке. Зал совещаний оказался не очень большим. Лев прикинул, что сегодня здесь находится не более ста пятидесяти человек – очевидно, не все участники съезда, если значение мероприятия действительно соответствовало заявленному. На стол ему положили небольшой синий кон-

верт, вскрыть который рекомендовали после окончания сессии. Можно было видеть, что все участники форума, разместившиеся на удобных креслах полукруглого конференц-зала, напоминающего амфитеатр, так же получили конверты. На подиуме за длинным столом сидели семеро представителей президиума, а немного левее разместились трибуна докладчика. На эту трибуну медленно поднялся весьма пожилой человек, лет около девяноста на вид, очень высокого роста, сухощавого телосложения и в чёрном классическом смокинге. В руке у него была трость, на которую старик опирался дрожащей рукой. Когда этот человек повернулся к аудитории, Лев отметил для себя, что взгляд пожилого мужчины совсем не таков, каким он должен быть у людей в его возрасте. Его глаза излучали холодный, хищный блеск, будто у аллигатора, заведшего жертву, а направление взгляда не сразу получалось определить— куда бы не повернул голову старик, казалось, он всё равно сфокусирован на собеседнике, так что у Льва невольно возникли ассоциации с рептилией вроде игуаны или варана. Селезнёв невольно поймал себя на мысли, что внутри этого дряхлого тела сидит совершенно другая сущность, запертая, по недоразумению, в немогущей оболочке. Докладчика звали Джордж Аккедис. Наконец-то взобравшись на трибуну, он начал речь:

— Верите ли вы в судьбу, господа? Сегодня многие из вас впервые узнают, кто они такие на самом деле, а уже завтра вы получите первые ответы на те вопросы, которые задаёт

себе каждый человек, видя несостыковки в реальности нашего бытия и логические противоречия в устройстве человеческого мира. Я называю вас господами не из соображений оставаться в рамках делового этикета и называю вас людьми не из необходимости придать значимости своим словам. Вы – господа по призванию. Вот уже шестьдесят лет я открываю эти консультации. Ваши отцы и даже их отцы сидели передо мной на собраниях нашего Общества задолго до сегодняшних дней, поэтому я могу уже поведать вам с высоты своих лет, чем отличается господин от любого другого гражданина. Обыкновенный гражданин никогда не окажется на вашем месте, несмотря ни на какие таланты, способности и усилия. Конечно, многие жители Земли обладают экстраординарными способностями: впечатляющим коэффициентом интеллекта, хорошей памятью, воображением, трудоспособностью, талантами в науках и бизнесе, физическими способностями и социальными навыками. Возможно, одно из главных заблуждений, бытующих в народе –, тут у Джорджа Брайтмана вырвалась невинная усмешка –, это то, что для движения вверх по иерархической лестнице обязательно требуются какие-то особые способности и огромный труд. Вы, конечно же, в силу своего происхождения, прекрасно понимаете, о чём я. Какой-нибудь курьер со средним образованием, развозящий пиццу на велосипеде, вполне может справиться с управлением транснациональной корпорацией, если указать ему правильный путь. Успехов в науке может

добиться и домработница или неграмотный пастух из буферных пустошей, чему есть примеры в истории, а страной, как говорил один выдающийся господин, может управлять и домохозяйка. Всё это правда и более того – все эти категории граждан настолько энергичны и мотивированы, что даже вам было бы сложно с ними конкурировать в отдельных областях. Другими словами, вы не отличаетесь от граждан способностью управлять, вы не сильнее и не умнее. Граждане способны ко многим вещам, которые вам не под силу. Но, тем не менее, вы находитесь здесь, а они – нет. Вас мало, но вы направляете их, а не они вас. И здесь я расскажу про ваше главное отличие, про то, почему пастырь не равен пастве. Гражданин может управлять, но в тех случаях, когда он, волею судьбы, оказывается у руля власти, как в случае с пастухом Максимином Фракийцем, по счастливой случайности взошедшим на престол императора Рима, то он не может двигаться дальше, в силу своего природного эгоизма полагая, что это и есть самая высокая вершина и всё, что требуется делать дальше – так это защищать и оберегать священный источник силы. Управление становится самоцелью, власть осуществляется ради власти. Но возможность править на самом деле является только первой ступенью той жизни, которой триумфатору предстоит жить. Управление имеет цель, а власть – инструмент для приближения цели. Вы знаете это и знали всегда, вы умеете пользоваться этим инструментом, и вы осознаёте, что за маленьким холмом власти, славы

или богатства скрывается огромная, заснеженная вершина истинного могущества, которую не видно с подножия холма. Наглядный и поучительный пример того, что происходит с исправно работающим механизмом цивилизации, построенным вашими прилежными и мудрыми предками, можно увидеть в истории императора Гига, нашедшего волшебное кольцо, которое позволяло его владельцу становиться невидимым при желании. Гражданин, конечно же, воспользовался силой кольца для узурпации власти. Мы опустим рассуждения о морали граждан, но главное в истории Гига – это то, что скипетр власти оказался в руках того, кто его не был достоин. Как же Гиг распорядился полученной силой? Прозрел ли он и стал ли настоящим господином? Нет. Как и во всех других подобных случаях, когда гражданам удавалось прикоснуться к праву распоряжаться судьбами народов, его триумф так и не был унаследован, никакого задела для будущих поколений пастух-император, разумеется, тоже не создал. Всё своё короткое правление Гиг провёл, ревностно оберегая ото всех двери в сокровищницу власти, но не имея, однако, и капли представления о настоящих возможностях этих сокровищ, об их предназначении. Я не зря начал свою речь с вопроса о вере в предопределение. Некоторым из вас суждено сменить нас и перехватить эстафету служения Обществу. Все, кто сидит в этой аудитории, так или иначе связаны друг с другом кровными узами, хотя, возможно, многие из вас даже не подозревали об этом еще час назад.

Эти узы неразрывно тянутся вот уже тысячи лет и оборвать их невозможно, ибо так устроено Общество. Так же, каждое поколение ваших предков получало в наследство ту ответственность, связи и невероятные возможности, которые вскоре будут переданы и вам. Ваш мир и мир граждан будут взаимодействовать только односторонним образом, посредством рычагов управления, тянуть за которые предстоит вам. Я упоминаю Общество, но на самом деле правильно говорить Общества, потому как, являясь по праву рождения частью корневого Общества, упоминаний о котором вы нигде не найдёте, в дальнейшем вам предстоит стать кураторами и чаще взаимодействовать с существующими в видимом поле многочисленными организациями, разбросанными по всему Миру, которые являются побегам от материнского объединения. Основные понятия, которые вы, господа, должны уяснить раз и навсегда, раскроет вам президиум в процессе дальнейшего посвящения, в лице семерых уважаемых Маршалов:

Симеона Коэна, Ревекки Грин, Якова Орлова, Сэмюэль Росс, Карл фон Эйнем, Сейко Такаячи, Лоренцо Каллея. Понятия эти глобальные, стратегические, соответственно нашим целям и нашей роли. Самое время вспомнить притчу о трёх слепых мудрецах, у которых спросили – «Что есть слон?». Один мудрец изучил хобот слона и сказал, что слон – это нечто гибкое и протяжённое, словно большая змея. Вторым мудрец изучил ногу животного и заключил, что слон по-

добен стволу дерева, а третий мудрец, пощупав хвост, рассказал, что слон подобен хлысту. Будьте же готовы выйти за пределы вашей уютной специализации, иначе вы не увидите слона целиком. Примите теперь моё запоздалое приветствие и пусть Господь благословит вас. После произнесённой речи Аккедис ещё раз оглянул аудиторию взглядом своих холодных глаз, а затем медленно удалился в полной тишине.

Глава 13. Симеон Коэн о глобализации

С первой минуты приветственной речи Аккедиса, Льва Селезнёва не покидало ощущение, сравнимое с тем, какое бывает у студента, пропустившего первый месяц занятий в начале семестра. Казалось, все кроме него уже глубоко погружены в новый предмет, все понимают о чём речь, лишь ему одному нужно срочным образом наверстать упущенное время и восполнить информационный вакуум. В небольшом перерыве перед выступлением первого Маршала было объявлено, что после окончания каждой конференц-сессии главные темы дня будут обсуждаться на факультативах, подробную информацию по которым можно найти в конвертах, предварительно врученных участникам. Первое слово досталось Симеону Коэну. Коэн был мужчиной среднего возраста, с благородной осанкой, интеллигентной классической причёской и в стильных очках. Как и остальные Маршалы, он придерживался делового стиля в одежде. Его легко можно было принять за сотрудника банка или менеджера крупной торговой компании. Лев ничего не знал об этом человеке, но

безошибочно определил по невербальному поведению принадлежность высоким рангам.

– Наш почтенный Посредник Джордж Аккедис, будучи всегда чрезвычайно лаконичным и рациональным господином, не стал растрчивать драгоценное время на декларацию всего списка базовых понятий, над которыми нам предстоит работать ближайшие дни –, Сказал Коэн.

– Мы последуем его примеру и приступим немедленно к первому и одному из важнейших, поскольку актуальность этого понятия растёт с каждым днём. Это понятие – глобализация, глобальный мир. Начнём с того, что, как утверждал Сергей Капица, человечество всегда, с самых начал – уже со времён родоплеменного строя, жило в глобальном мире, хотя, осознающих такое в те далёкие времена определённо бы не нашлось. Но существовал языковой обмен, обмен знаниями и опытом, элементами культуры, продуктами ремесленного производства, генами и болезнями. События, информация и материальные ценности в античных человеческих сообществах Средиземноморья, рано или поздно, медленной волной распространялись до сообществ людей Африки, Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки несмотря на то, что все эти колонии даже не подозревали о взаимном существовании. То же самое происходило и в обратную сторону, что оставило свой отпечаток на каждой культуре. Недаром мифы и фольклор совершенно разных народов имеют так много общего в своей основе, а линг-

вистические особенности языков всего мира указывают не только на их общее происхождение, но и на взаимодействие уже после ответвления от главного древа праязыка – родоначальника всех языков. Естественно, по мере роста популяций, развития транспорта, наук, искусств, социального уклада и культуры, увеличивалась скорость такого обмена и её охват. С первых дней возникновения человеческих сообществ, люди неосознанно стремились к экспансии, контролю максимально больших территорий, ресурсов и контролю социальных процессов. В доиндустриальные времена такая конструкция представлялась единственно возможным способом развития. Позднее, после зарождения империализма, каждая империя стремилась установить контроль уже над всем миром. Необходимость и стремление к централизации власти над всей планетой и есть глобализация. Разве нет? Единое планетарное государство, объединение человечества вокруг одного ядра, от которого в тело общества прорастают бесчисленные нити управления. Термин «глобализация» долгое время означал именно такое устройство мира будущего, именно ради этого мы боролись сами с собой сотни и тысячи лет. Много ли империй, выбравших своей целью контроль над всем миром – а других империй и не бывает, сохранились до наших дней? Каждая империя проходила один и тот же путь, подобно циклу жизни звезды: возникновение, становление, экспансия, расцвет, вторичная экспансия и крах под воздействием сил внутреннего давления, пре-

одолевающих предел прочности здания империи. В конце концов, большая часть массы звезды, после окончательного выгорания, разбегается в разные стороны, оставляя в центре бывшего светила маленькое, голое ядро. Даже лучшие представители нашего Общества, без участия которых не возникла и не умерла ни одна империя в известной истории, до сих пор не понимали до конца, как выйти из этого замкнутого круга. Долгое время у нас просто не было правильного понимания сути единого мира, как бы мы его не называли. До недавнего времени. Теперь мы, наконец-то, сформулировали верное определение этого термина, а это значит, что прошлых ошибок больше никто не допустит, эксперименты со старым добрым империализмом окончены и путь к целям Общества наконец-то освещён и освящён. Возможно, те из вас, кто впервые присутствует на конференции, успели заметить некий тренд на деглобализацию с начала двадцать первого века. Куда-то подевались антиглобалисты, союзы трещат по швам, появились разногласия между многими бывшими историческими партнёрами, а гибридные войны вот уже тридцать лет не прекращаются. При этом, интенсивность таких конфликтов порой даже растёт. Если вы действительно обратили внимание на то, о чём я сказал и решили, что тренд на единение и интеграцию сворачивается, то вы рассуждаете старыми терминами, как наши предшественники. Я заявляю, что процесс полной глобализации почти завершён и находится на стадии стабилизации, после

которой контуры нового мира окончательно будут очерчены. Новый мир больше не разрушится как старые империи. Шумер, Египет, Римские Империи, Британская, Османская, Российская – в периодах относительной стабильности существовали веками и тысячелетиями, что казалось гражданам вечностью, но по-настоящему долго будет жить Новый Мир, который мы построили и управлять которым предстоит вам. Наша ошибка в понимании способов управления планетарными империями заключалась в недооценке деструктивной природы людей. Невозможно успешно управлять империей достаточно продолжительное время без того, чтобы процессы брожения и разложения в гражданском обществе не ослабили и не погубили левиафана. И это совершенно не зависит от степени покорности граждан. Примите это как аксиому, потому что формат моего доклада не позволяет затягивать рассуждения. Достаточно только знать, что это было проверено на многих империях и многих народах. Все попытки добиться устойчивого состояния и сохранить способность к сопротивлению внешним и внутренним факторам проваливались и заканчивались всё более и более масштабными катастрофами, по мере роста популяции во всех странах и развития технологий. Конечно, учитывая появление новых технологий и накопленные научные знания, мы старались применять новые инструменты при строительстве глобальной цивилизации. Появление телевидения, радио, телефонии, а потом и зачатков Интернета вселяло надежду на воспитание

по универсальным лекалам граждан будущей Империи. В самом деле, разве вы не мечтали о том, чтобы границы, выдуманые консервативными локальными властями, были стёрты, чтобы вся планета стала одним государством с единым правительством, единым обществом, объединённым идеями развития технологий, науки и дальнейшей колонизации Космоса?

Последний такой крупный эксперимент, как вы знаете, закончился в 1991 году беспрецедентным социально-политическим катаклизмом на территории нынешнего Красного Союза. Именно после этого события, спустя несколько лет мы осознали, каким должен быть мир будущего. И каким он быть не может. В результате целой серии разноуровневых дискуссий и анализа продолжавшихся более двух лет, мы выработали обновлённое определение термина «глобализация». С тех дней мы много работали над созданием дорожной карты для смены курса от ложных целей к настоящим. Сейчас мы уверены, что находимся на верном пути. Как я уже сказал, никакого тренда к деглобализации на самом деле существует и мир сейчас един, как никогда, осознают это народы или нет. Именно в такой форме, какую сегодня имеет политико-экономическая картина мира, цивилизация просуществует настолько долго, насколько это будет целесообразно. Страны, входящие сегодня в состав блока Новый Вавилон, всё ещё отмечали победу над бывшим СССР в Холодной Войне, когда на такой же конференции как сегодня,

совет предыдущих Маршалов довел до нас, как будут развиваться события в дальнейшем. Они заявили, что победа над Социалистическим Лагерем – это в то же время акт самоубийства. Не следовало побеждать, повергая противника смертельным ударом, после которого он уже не сможет оправиться. Самая очевидная опасность, какую представляет разрушение до основания СССР – этого огромного, ветвистого исполина, накрывшего своей тенью половину мира, заключается в потере контроля и погружении в пучину хаоса освободившегося пространства. Пусть и сильный, но хорошо изученный противник отлично стабилизировал баланс сил и действовал предсказуемо. С точки зрения глобализма, СССР даже экономил ресурсы Запада тем, что контролировал своих вассалов, поддерживая их экономики и пресекая обычное для многих регионов состояние вечной междуусобицы, ведь так или иначе кто-то должен этим заниматься – если не коммунисты, то капиталисты. И вот – грандиозное древо Советского Союза рухнуло, а с ним рухнула и стабильность на Востоке, Африке, Восточной Европе, на Кавказе и Латинской Америке. Запад долго не хотел водружать на свои плечи ношу по наведению порядка в освободившемся пространстве, а лишь мародёрствовал там, где позволяла обстановка, получая в короткой перспективе значительную выгоду. Подобный подход привёл к тому, что победители упустили из виду, а может пренебрегли новой надвигающейся опасностью. На месте поверженного гиганта появились но-

вые ростки. То, что выросло из этих побегов на смену коммунизму, едва не похоронило всех нас, а заодно и Цивилизацию – умные, хитрые и совершенно отчаянные люди впервые в Истории занесли топор над Обществом. Такова цена ошибки, цена победы, которой не должно было состояться. И это лишь малая часть последствий недальновидности, граничащей со слепотой стратегов прошлого. Устранение единственного конкурента поместило Новый Вавилон в такие стерильные условия, которые привели к полному внутреннему разложению всего демократического альянса. Если раньше условный Запад вынужден был поддерживать всеми силами опережающие темпы развития, то в отсутствие борьбы с внешним «врагом», отпала необходимость в негласных стандартах уровня благосостояния граждан, которым мы старались соответствовать. В старые добрые времена обе стороны стремились идти на шаг впереди во всех областях – в науке, экономике, обороне, технологиях, социальной сфере, образовании, экологии, медицине и так далее и далее. И мы действительно шли – мы добились в короткие сроки потрясающих результатов, а наша вера в свои возможности вышла за рубежи родной Галактики. Фактически, только благодаря смертельному противостоянию наш мир совершил за несколько десятков лет технологический рывок, не сопоставимый с миллионом предыдущих лет развития. После устранения же одного из двух конкурентов, всё вернулось в старую колею с поправкой на скорость внутреннего распада Им-

перии, пропорциональной скоростям обмена информацией и движения товаров. Если еще хотя бы десять лет Новый Вавилон простоял в положении единственного хозяина на планете, то он рухнул бы на наши головы, похоронив под своими обломками труд десятков предыдущих поколений и откатив нас в тёмные века. В каком-то смысле, мы оказались в положении человека, живущего в стерильной капсуле, иммунитет которого атрофировался в отсутствие необходимости борьбы с чужеродными инфекциями или птиц дронтов, за долгое время существования на райском острове без хищников и других угроз, но в полном изобилии, совершенно утративших способность даже к элементарной защите. Монополярный мир обречён всегда и в любых условиях ввиду природы самого человека, ведь наши собственные демоны – они же и наши самые грозные враги. Наиболее ёмким сравнением для объяснения устройства нового мира стало бы следующее: **глобальный мир – это постоянный магнит с двумя полюсами**. Как для магнита двухполярность является естественной формой бытия, так и для стабильного мира это правило справедливо. Новый Вавилон не может существовать без Красного союза так же, как и Евросоюз с США не смогли бы достаточно долго существовать без СССР. По крайней мере, как центры силы. Более того, капиталистический альянс должен был рухнуть как политический и экономический монолит уже к двухтысячному году, но труп СССР оказался настолько огромным, что технологический, экономиче-

ский и культурный каннибализм продлил жизнь и даже временно насытил кровью трухлявое тело послевоенного мира. Труд сотен миллионов советских граждан, аккумулировавшийся в различных эквивалентах, за бесценок, практически даром достался победившей стороне, став астрономическим по своей ценности трофеем, вообразить размеры которого не могли бы даже все императоры старого мира вместе взятые. Теперь, добавим к этому идеологический клей, скрепляющий несущие конструкции каждого из союзов. Мы заявляем, что Коммунизм и Капитализм являются противоположными полюсами одной и той же сущности и не имеют шансов на существование по отдельности. Зародыш коммунизма, ещё только обретающий очертания идеологии, появился сразу же после французской революции, которая, в свою очередь, дала ростки современному капитализму. Первым явным признаком зарождения идеологической базы, из которой в будущем вырос коммунизм, стало движение декабристов. Как вы можете видеть, появление и дальнейшее развитие этих двух подходов к распределению благ, имеет определённую закономерность во времени и пространстве, что совершенно не случайно. Ничего не случайно. Семена протеста и классовых противоречий в Россию попали из Парижа во время Наполеоновских войн, что уже говорит о родстве Французской революции и революционного движения в России, что уж говорить об общих предпосылках. Уже здесь мы приходим к тому, что некоторые войны оказывают чрезвычайно

сильное влияние на мышление масс, что часто приводит к научным, социальным и технологическим скачкам. Значит ли это, что война – благо? Нет, не значит, поэтому мы избавились от войн и настоящих войн на уничтожение больше в истории не будет. Ни отечественных, ни захватнических, ни мировых. Сегодня глобализм, как я уже сказал, уже построен в своей основе и скоро он примет законченный вид. Более того, чем сильнее кажущиеся противоречия между Красным союзом и Новым Вавилоном, тем сильнее и устойчивее становится каждый из полюсов и тем больше каждая сторона зависит от противоположной. В первой инкарнации двухполярного мира борьба между двумя лагерями стран была искренней, и мы действительно планировали поражение одной из сторон. Как мы полагали, коммунизм представлял собой последнюю крепость, захват которой открыл бы путь к единому миру. Люди из Общества по обе стороны баррикад проделали титаническую работу, но воплотили этот план в жизнь. Результаты, которые мы получили, оказались следствием недопонимания социальной инженерии в масштабах мира, ведь никто до нас успеха ни в чём подобном ещё не добивался, первопроходцы же учатся на ошибках, пробивая свой путь к новым открытиям. Используя опыт последних ста лет работы Общества, теперь мы сконструировали контролируемое противостояние, которое войной в традиционном смысле не является. Те горячие точки, которые тлеют в регионах тесного соприкосновения интересов Нового Вави-

лона и Красного Союза в Африке, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, на самом деле представляют собой прочные швы, по которым два альянса неразрывно связаны между собой. Теперь кратко о причинах нашего прозрения об устройстве устойчивой цивилизации. Предыдущие попытки решить такую задачу каждый раз упирались в проблему неизбежных кризисов, завязанных на демографические циклы. С регулярной периодичностью смена поколений провоцировала ускорение инфляции, неравномерное распределение благ. Рост населения приводит к кризису по причине роста количества потребителей. Ресурсы ограничены, а число потребителей только растёт. Рано или поздно демографический бум заканчивается катастрофой. С другой стороны, если население стагнирует или уменьшается – значит, соотношение трудоспособных граждан к иждивенцам перевешивает в сторону последних, что так же приводит к катастрофе. Во всех трёх случаях мы получаем бесконечную инфляцию, нехватку ресурсов, всеохватывающий кризис, протест, который можно или подавить ненадолго или канализировать. Универсальным способом переждать период кризиса, сохранив государство, в XX веке стал метод переадресации ответственности за неизбежные провалы. Советский коммунизм не допускал существование других партий кроме КПСС, поэтому ответственность возможно было переадресовать только на внутренних врагов, устроив публичные репрессии внутри партии, китайский коммунизм возложил

вину за чудовищный кризис конца пятидесятых – начала шестидесятых годов на неудобные фракции, уничтожив часть из них. Эти методы оказались работоспособными, но однократными. Нельзя бесконечно устраивать партийные чистки по известным вам причинам. С другой стороны, в Соединённых Штатах усовершенствовали метод переадресации ответственности, создав двухпартийную демократию. При таком устройстве власти, ответственность за проблемы переадресовывалась от демократов к республиканцам и наоборот в течение многих десятилетий. Этот способ называется сейчас «теннис ответственностью». Несмотря на более совершенную концепцию, такой способ управления так же оказался не идеальным ввиду того, что вы не можете бесконечно играть в такой теннис и рано или поздно ваш лимит закончится вместе с вашей стабильностью. Именно необходимость создать механизм бесконечной переадресации ответственности за неизбежные кризисы, зависящие от естественных демографических циклов, привела Общество к идее построения двухполярного мира таким, которым вы его видите сейчас. Бесконечная, контролируемая, искусственная война как способ канализации протеста, игра в экономические поддавки, для контроля циклических кризисов, словно маятник перетекающих от одного полюса к другому – лишь бы они не наступали одновременно, а возникали поочерёдно. Таковы основы вечной стабильности империи будущего, таковы законы глобализации и на данном этапе развития другой фор-

мы цивилизации людей существовать не может.

Закончив свой доклад, Симеон Коэн передал слово другим членам президиума. Далее следовало небольшое обсуждение по теме доклада, из аудитории звучали уточняющие вопросы, а конференция перешла постепенно в шумную дискуссию. Лев не был хорош в дебатах, поэтому, не желая тратить время, он вскрыл конверт. Внутри оказалась небольшая карточка со списком имён, который в точности совпадал со списком, переданным ему Грачёвым. Но в дополнение к списку, напротив каждого имени из списка значился адрес и время встречи.

Глава 14. Матильда

Даже для человека со свободным мышлением, широким кругозором и великолепным образованием, каким Лев несомненно являлся, первый день консультаций стал настоящим откровением. В начале лекции ему показалось, что это какое-то собрание недалёких конспирологов, от скуки рассуждающих о глобальных вещах, настолько же удалённых от участников конференции, насколько звёзды удалены от дождевых червей. Но постепенно приходило осознание, что всё, о чём говорилось с трибун – это не просто информация, а практическое руководство к действию. Суммарный набор полномочий всех этих людей, находящихся в аудитории, позволил бы решить любую интернациональную задачу, при определённых усилиях, да он и сам он далеко не студент по обмену. Особое впечатление произвело на Льва выступ-

ление Джорджа Аккедиса, о котором Лев раньше ничего не слышал, но присутствие этой персоны в зале оказывало такое подавляющее влияние на публику, которое можно сравнить с инстинктивным, древним ужасом, который испытывают домашние собаки перед матёрым волком, забредшим в деревенскую псарню. Лишь после того, как старик покинул аудиторию, зал вышел из состояния оцепенения и скованности, которые свинцовой плитой навалились на каждого гостя саммита. Необъяснимая аура превосходства, излучаемая Аккедисом, ощущалась окружающими подсознательно, парализовала волю и подчиняла недостаточно сильных, настораживала остальных. Никогда прежде Селёзнёв не сталкивался с похожими людьми.

В холле музея находилось огромное чучело африканского слона. На минуту Лев остановился возле экспоната, чтобы рассмотреть его. Слонов он видел достаточно, к тому же живых, но здесь – в холле великолепного здания середины девятнадцатого века, дополненного интерактивным оборудованием, исполинское животное смотрелось фантастически контрастно. Казалось, что в центре зала открылся портал в прошлое, через который, напрямик из каменного века, выбежал огромный зверь. Он уже собирался уходить, как вдруг услышал за плечом женский голос, явно обращавшийся к нему:

– Вот как выглядят слоны на самом деле!

– Даже не знаю, что хуже – быть зрячим глупцом или сле-

пым мудрецом —, с отсылкой на притчу подхватил Лев.

Рядом с ним стояла молодая женщина приятной наружности. По элегантному пиджаку, строгой юбке и другим деталям легко было догадаться, что она не случайно оказалась в этом холле, а нарочная реплика про слона отбросила все сомнения.

— Лев Селезнёв —, представился он.

— Матильда Дюпон. Не думала, что мы с вами познакомимся перед чучелом слона —, она слегка улыбнулась.

— Кажется, вы знаете обо мне больше, чем я о вас, Матильда. А как мы должны были познакомиться?

У неё был невероятно мудрый взгляд. По глазам этой женщины угадывалось, что сколько бы она ни говорила, недоговаривает она гораздо больше. Как-то с заботой посмотрев на своего собеседника, Матильда ответила:

— Это моя третья конференция. Прошу прощения, что не представилась полностью — сейчас я занимаю неофициальную должность консультанта по стратегическому планированию при Государственном департаменте Нового Вавилона. Представляете, какво быть официально безработной и работать больше всех в своём ведомстве? —, Искренняя, тёплая улыбка во второй раз озарила её лицо —, мой куратор говорил мне о вас ещё во время моей первой консультации шесть лет назад, но, мне кажется, подробности должен вам рассказать он сам при личной встрече.

Имя Матильды Дюпон не значилось в списке лиц, с кото-

рыми Лев должен был успеть встретиться за время форума, поэтому, он вполне имел возможность игнорировать официальный регламент, в определённых пределах. Оба чиновника находились сейчас в роли обычных слушателей и могли себе позволить общаться относительно неформально. Тем более, доклады и обсуждения уже полчаса как закончились.

Осень 2030 года в этих широтах выдалась необычно тёплой и Лев предложил воспользоваться возможностью прогуляться до Юнион Сквер. По пути стояли кофейные домики, в которых подавали безалкогольный глинтвейн и прекрасные пончики, на которые Лев уже подсел за неделю пребывания в Вашингтоне. Матильда производила впечатление весьма искреннего человека, она просто и прямо говорила о своей работе, при этом раскрывая иногда настолько тонкие детали, какие сам Лев вряд ли стал бы обсуждать даже с людьми, которых он знал лучше, чем новая знакомая знает его. Она внушала доверие и, хотя Лев почти никогда не руководствовался эмоциями в изучении новых людей, он ощущал склонность доверять этой женщине, будто между ними существует некая родственная связь. Некоторое время они прогуливались в молчании, разглядывая окружающий ландшафт, будто студенты первого курса колледжа, которые ещё только начинают нащупывать совпадающие интересы.

– Это самая странная конференция, в какой мне когда-либо приходилось участвовать –, глядя прямо перед собой, наконец-то выдохнул Лев –, если быть откровенным, то всё

это больше похоже на некий общеобразовательный проект. Вроде интересно, можно узнать новое, но кажется, будто меня сюда отправили по ошибке. Вот вы, Матильда, вы – как раз тот человек, которому эти знания неким образом могут помочь, учитывая охват вашей работы. Наверняка глобальные вопросы важны при стратегическом планировании. Но вы сказали, что знаете кое-то обо мне. А ведь я – лишь чиновник, решающий локальные отраслевые проблемы в региональном министерстве. Понимаете, о чём я?

– Понимаю! – не дожидаясь пока он договорит, подхватила Матильда, – ваши чувства мне понятны.

Она улыбнулась в третий раз и теперь это была открытая, абсолютно искренняя улыбка. – дело в том, Лев, что вы сами не знаете кто вы есть. Точнее, вы знаете свою биографию, не сомневаюсь, что у вас есть секреты, известные только вам, да и в силе вашей памяти сомнений быть не может. Но это ещё не весь вы. Есть ещё миссия, для которой вы с самого рождения предназначены. Когда я узнала о том, что существует Общество, что я часть этого Общества, то у меня тоже возникло множество вопросов. Не такие как у вас, конечно – кое-что я узнала заранее от своих родителей. В этом наше отличие, кстати. До сих пор вы и не подозревали о настоящем смысле вашей жизни несмотря на то, что вашим родителям и прародителям всё было известно об этом ещё задолго до того, как вы появились на свет.

– Вам не кажется, что это звучит немного... Не скажу, что

фантастично, но, как минимум, отдаёт литературным романтизмом?

– Казалось сначала. Но ведь раньше у нас обоих было ложное представление о том, что есть норма. Эти форумы всегда приносят сюрпризы. Каждый раз, покидая их, расплачиваюсь горами иллюзий, с которыми приезжаю в Вашингтон.

Матильда держалась свободно и даже немного игриво, что вступало в некоторый диссонанс с её уровнем влияния и ответственности. Казалось, она воспринимает происходящее как игру, с азартом ожидая новых сюрпризов. Оказалось, что за рекомендациями к Матильде обращаются руководящие верхушки гигантских торговых союзов, банков и корпораций: Североамериканская Корпорация Устойчивого Развития, Атлантический Торговый Союз, Андская Корпорация Развития, Западно-Тихоокеанская Канцелярия, НАСА, Глобальная Ассоциация Путей Сообщения Нового Вавилона, Антарктическая Компания, Дженерал Электрик, Банк оф Америка, Централ Банк оф Нью Бабилон, Оушен Банк и другие. Тем удивительнее, что нигде в прессе о ней не упоминалось. По крайней мере, он видел её впервые и имя её вряд ли попадалось ему в ленте новостей.

– Как же так вышло, что женщине, к которой за советом приходит весь истеблишмент капиталистического мира, требуются какие-то кураторы, преподаватели и менторы? Вам нравится быть вечным студентом? – теперь уже улыбался Лев. Это действительно было странно и даже забавно. Сре-

ди его знакомых встречались примеры зависимости людей от учебного процесса. Чаще это были девушки, которые продолжали учиться до бесконечности, словно стремясь накопить в своей коллекции рекордное количество дипломов о высшем образовании, сертификатов и лицензий, никак при этом не находя времени, собственно, на работу, не говоря уже о личной жизни. Со стороны это напоминало параноидальную аддикцию. Поначалу Льву даже показалось, что Матильда тоже относится к этой категории, однако, после небольших размышлений, эта мысль у него быстро улетучилась.

– Действительно странно, правда? Когда я была помоложе, мне казалось, что только пустите меня к штурвалу и я покажу, как нужно эффективно управлять корпорацией, государством, а может даже империей. Возможно, я действительно смогла бы, если наш мир был устроен в действительности так, как я себе по наивности представляла. Но теперь, поднявшись на несколько ступеней выше, я вижу, насколько высоко тянется лестница истинной власти. Для вас это первая конференция, а я прохожу ежегодные консультации уже в шестой раз, но по сравнению с тем, на каком расстоянии мы находимся от каст, курирующих менторов, мы с вами практически на одном уровне как по полномочиям, так и по степени допуска к информации. Если честно, меня преследует дежавю – кажется, будто кто-то повернул время вспять и вернул меня в институтские годы, когда я ещё бегала сту-

денткой археологического факультета в Сорбонне. Конечно, как профессионал я прекрасно осознаю последствия и масштаб своих решений, но скажу вам прямо, меня это несколько не тяготит, я даже чувствую некую творческую свободу, ведь огромное здание нового мира, которое мы все вместе строим, настолько прекрасно, что вдохновение ни на час не покидает меня, а идеи льются рекой.

– Кажется, мне нужно сразу несколько кураторов, чтобы провести со мной ускоренный ликбез, потому что вопросов только прибавилось –, усмехнулся Лев.

– Вы знаете, хотя меня нельзя назвать старожилом Общества, но с конференцией в этом году что-то не так –, с загадкой в голосе ответила Матильда –, в предыдущие сессии программа консультаций была... Более предсказуемой, в каком-то смысле. Каждая последующая сессия, по большей части, посвящалась анализу результатов предыдущего года, планированию и корректировке планов на короткий и долгий срок, изучению поправок к базовым понятиям, в общем – мероприятие проходило по довольно привычному для любого управленца регламенту. На этот раз всё иначе.

– Для меня вообще весь прошедший месяц до такой степени насыщен сюрпризами, будто я – это вообще не я. Если бы мне сказали в прошлом году, что я окажусь здесь, хотя бы даже в составе экскурсии на кондитерскую фабрику, то это прозвучало бы как провокация. Но теперь мы с вами беседуем в двухстах шагах от Капитолия, в столице вражеской, как

нам твердили, державы, и я спокойно разговариваю с вами – женщиной, к слову которой прислушиваются люди, держащие в руках судьбы миллиардов граждан.

– Я немного завидую вам, господин Селезнёв. Способность удивляться со временем теряется, особенно если вы являетесь частью Общества. Я бы многое отдала, чтобы снова испытать тот шквал эмоций, который накрыл меня в год посвящения. Но увы, второй раз вернуться в состояние наивной неосведомлённости уже нельзя.

– Да что же на самом деле такое это Общество? Я бы давно уже решил, что всё это мероприятие подстроено как одна большая шутка, если меня сюда не отправил сам Грачёв, если бы здесь не присутствовали вы, а так же другие лица из самых высоких лож. Но я понимаю, что это не шутка, происходящее однозначно серьёзно. Знаете, в период однополярного мира, начиная с нулевых годов, ООН частенько собирались на плановые и экстренные заседания, которые, как правило, заканчивались ничем. Недельные саммиты не приносили абсолютно никаких результатов. В крайнем случае, усилия бюрократов по решению тех или иных глобальных проблем оборачивались выкидышами в виде «решительного осуждения» или «коллективного протеста», словно в подтверждение пословицы о горе, родившей мышь. Случалось, что резолюция, со скрипом принятая самыми сильными людьми *того* Мира, предполагала лишь выражение серьёзной обеспокоенности. Я думал, те времена прошли, но дежавю, осеня-

ющее меня, напоминает именно про тот мир и те собрания.

– Я вас понимаю, Лев. Понимаю прекрасно. Ещё я понимаю, почему наш общий куратор выбрал именно вас. В том списке, который вам передали, значится адрес, по которому следует прибыть сегодня вечером. К сожалению, свободного времени на изучение окрестных достопримечательностей у вас, скорее всего, не будет в течение следующих двух недель, но вряд ли вас это расстроит.

Глава 15. Дом первого куратора.

Аналоговые часы в бронзовой оправе, установленные на столбе у поворота к переулку Дент Плейс, показывали уже почти восемь вечера, когда электро-такси бесшумно подъехало к двухэтажному особняку. Поросший плющом фасад удачно сочетался со стенами из красного кирпича, а застеклённая дверь и окна в лёгких деревянных рамках, окрашенных белой краской, гостеприимно оформленные гирляндами ступеньки – всё это разительно отличалось от представлений Селезнёва о том, как должна выглядеть резиденция высокопоставленного лица. По крайней мере, в правительственных пригородах Пекина или Новосибирска, особняки влиятельных людей представляли собой настоящие крепости, рассмотреть которые возможно только из космоса. Лев нажал кнопку звонка, но никто не встречал его. Тогда он повернул ручку и с удивлением обнаружил, что дверь не заперта. Зайдя внутрь, он оказался в просторном холле, заполненном тёплым, желтоватым светом от большого абажура, под-

вешенного над массивным, круглым столом посреди зала.

– Вы очень вовремя! –, услышал он откуда-то слева приветливый голос.

В дверном проёме стоял мужчина с седой бородой, на вид лет семидесяти, опираясь на тонкую трость.

– Не люблю опаздывать. Добрый вечер господин...

– Мейсон Морли. А вы тот самый Лев Селезнёв, верно?

– Тот самый –, с равнодушием в голосе отвечал гость.

– Мы ждём ещё кое-кого, поэтому проходите к столу, пожалуйста. Скоро начнём.

Вокруг стола суетилась молодая девушка – по-видимому служанка, искусно оформляя ужин для трёх человек. Буквально через минуту, как только Морли и Селезнёв пожали друг-другу руки, раздался звонок в дверь. Открыла служанка и Лев увидел знакомый силуэт – это была Матильда. Она уверенно прошла через всё помещение, пожала руку Мейсону, а затем улыбнулась обоим. Без сомнения, она здесь находилась не впервые и с Мейсоном, их связывало долгое знакомство.

– Наверное, вы уже поняли, что я ваш куратор, господин Селезнёв, но так же я являюсь ментором Матильды.

– Не трудно догадаться –, ответил Лев

– Присаживайтесь скорее, дорогие мои, прежде всего вы мои гости, посему я хочу, чтобы вы чувствовали себя как дома! – Морли, принялся усаживать Матильду и Льва с таким нетерпением, будто радостный дедушка, которого навестили

любимые внуки, стараясь во всём угодить молодым.

– Вы уже познакомились с Матильдой? О! Я не сомневаюсь. Не наберись вы решительности, то она сама с вами познакомилась бы первой! Потрясающая женщина, у неё отличное чутьё на людей, чего мне лично всегда не хватало!

Матильда добродушно засмеялась, приятно смущённая похвалой.

– Более того, я горжусь Матильдой, скажу вам откровенно. На нашей ступени вот уже двадцать пять лет я руковожу как ментор, но с таким талантливым подопечным судьба ещё меня не сводила. Помните финансовый кризис 2008 года? Это была настоящая катастрофа. А помните финансовый кризис 2028 года? То-то же. Не помните, потому что его не случилось. Знаете, благодаря чьим заслугам? Без Матильды – этой волшебницы, не миновать бы нам тогда проблем.

Морли так увлечённо и с большой теплотой рассказывал о своей ученице, что у Льва невольно возникло чувство, будто они не глобальными проблемами занимаются, а готовятся к школьной олимпиаде. Трудно было привыкнуть к тому, что настолько значимые вещи как мировая финансовая стратегия, зависят от таких простых, на первый взгляд, людей. Впрочем, человечность он считал благим качеством и решил для себя, что в работе гуманизм приносит только пользу.

– Господин Селезнёв, сегодня вы ознакомились с несколькими терминами, узнали о своей принадлежности к Обществу, благополучно прошли первые консультации, поздрав-

ляю вас.

– Спасибо за поздравления, конечно, но многое мне до сих пор непонятно. Если в предмете лекций кое-как ещё можно разобраться, то насчёт второго не помешали бы пояснения. Я понятия не имею, что такое Общество, давайте начнём с этого.

Не успел Морли ответить, как Лев обратил внимание на фотографию, висящую в рамке на стене за спиной хозяина дома. Старая цветная фотография, на которой перед камерой позировали несколько человек в каком-то храме или музее – было трудно разобрать по интерьеру. Морли, оглянувшись, немедленно понял в чём дело.

– Вы вряд ли знали об этом, но ваш отец так же состоял в Обществе. Скажу даже больше – он был моим куратором. Вам ещё только предстоит узнать, какое значение имеет его деятельность, но из того, что могу сообщить вам я – так это то, что без его героических усилий мы бы не смогли в нужные сроки убить великана, если вы понимаете. Он – настоящая легенда и его имя пользуется почётом среди нас даже сегодня.

– Так что же такое Общество?

– Прозвучит немного странно, но не все, кто в нём состоит, знают окончательный ответ на ваш вопрос. Мне известно, что оно существовало всегда. Так же я знаю, что ни один гражданин не может вступить в Общество и ни один участник Общества не может из него выйти. Абсолютно герме-

тичная структура. Наша функция – это управление. В сегодняшнем докладе Коэна вам рассказали, что даже древний мир был единым и глобальным, но вряд ли пояснили, почему это так. Процесс глобализации не происходит сам по себе, по мере роста численности населения Земли. Законы социологии кажутся универсальными, но это лишь потому, что обратных прецедентов в известной истории почти не наблюдалось, а это означает, что цивилизации на разных континентах, при условии свободы самостоятельного развития, обретали бы такие причудливые формы, что отличались друг от друга подобно колониям разных видов организмов. Почему этого не произошло? Почему мир всегда был относительно однообразен, разбросанные по материкам племена развивались созависимо, почему все народы мира имели религии, похожие в своей структуре культуры, устройство общества и ценности? Это всё совершенно не случайно. Корни такого единообразия всех цивилизаций прорастают из того, что такое власть. Власть не случайна. Здесь я имею в виду не слова из послания Апостола Павла к римлянам о том, что всякая власть от Бога – нет. Я подразумеваю вполне конкретные вещи, господин Селезнёв. Запомните, власть всегда, с самого начала, прямо или косвенно, в каждом городе, в каждом племени, каждой стране и каждой империи принадлежала Обществу. Принадлежала, принадлежит и будет принадлежать. Нет, не каждый Вождь, Царь или Император из Общества, но каждый Вождь, Царь и Император выполняют миссию,

данную Обществом. Хотят они того или нет, верят ли они в свободу своих действий или нет.

– При всём уважении к вам, господин Морли, это очень сильное заявление, мягко говоря. Но допустим, всё так. Какие задачи будут стоять передо мной, после того как консультации закончатся, и я вернусь?

– Видите ли, Господин Селезнёв, мы этого просто не знаем –, вмешалась Матильда –, дело в том, что во все предыдущие годы задачи мне ставились уважаемым куратором Морли. Задачи эти касались, в основном, создания новых экономических проектов и цифровизации. Куратор ставит задачу и сопровождает в процессе её выполнения, благодаря чему все проблемы, мешающие реализации стратегии, неизменно преодолеваются. Но все шесть лет с момента посвящения я находилась на первой ступени.

– Да, Общество не устроено согласно принципам демократии, Лев. Мы подчиняемся строгой иерархии и между различными уровнями в этой иерархии очень ограниченные каналы взаимодействия. Я не буду ставить никаких заданий перед вами сегодня и в дальнейшем. Моя роль крайне ограничена. Вашим куратором я назначен всего на одну встречу и, если не ошибаюсь, завтра у вас состоится знакомство со следующим куратором, находящимся на несколько ступеней выше.

– Наверное, стоит упомянуть о том, почему именно сейчас Грачёв отправил господина Селезнёва на конференцию? –

глядя на куратора спросила Матильда.

– Да, да –, Мейсон Морли уставился на свой бокал с розовым вином и на минуту замер в размышлениях. Застывшая маска улыбки на его лице внезапно растаяла и взгляд стал тяжёлым, словно у обречённого на скорую гибель, который последний раз в жизни увидел рассвет.

–Что-то произошло –, тихо вымолвил он –, я не знаю, что именно и где, но значение этого события не просто большое, а беспрецедентное. Это случилось в прошлом году. Микроскопическое, незаметное событие, которое изменило всё.

– Если вы не знаете, что произошло, то с чего вы взяли, что событие вообще имело место быть? Не говоря уже о его значимости.

Морли наконец поднял глаза на собеседников:

– Матильда, вы ведь учились на факультете археологии, верно? Скажите господину Селезнёву, какие выводы сделает исследователь, раскапывая из-под тысячелетних слоёв грунта доледниковые стоянки древних людей, если среди домашней утвари кроманьонцев обнаружится пластиковая чайная ложка?

– Первым выводом, наверное, стало бы предположение, что это какой-то розыгрыш коллег. Но если это не розыгрыш, то последствия такой находки даже сложно представить. Это стало бы переворотом всех наших представлений о прошлом.

– Такая «ложечка» прямо сейчас лежит перед нашими

глазами. Со своей ступени я всегда вижу, как меняются спускаемые сверху директивы. За несколько десятилетий я уже научился разбираться в краткосрочных целях всей той огромной игры, которую ведут наши высокие иерархи. Картина вырисовывалась вполне ясная. Я и другие кураторы, находящиеся со мной на одной ступени, наши подопечные на уровне Матильды, управляем очень сложной, огромной, но всё-таки гармонично устроенной машиной под названием Цивилизация. Да, мы лишь исполнители, но прежде мы знали, куда движется эта машина, знали её ритмы и законы, в согласии которыми функционируют отдельные части. Не мы решаем, какой будет завтра цивилизация, но мы понимали направление, понимали прошлое и настоящее, догадывались о будущем. Теперь всё изменилось. Лично я – Мейсон Морли, уже не знаю, какой стратегический курс будет взят Обществом после текущей конференции. Это зависит от того, что именно произошло в 2029 году. Иерархи, стоящие на высших ступенях, знают об этом – они всегда осведомлены обо всех факторах. Но ввиду закрытости вышестоящих уровней Общества, я об этом всегда узнаю одним из последних. Сейчас же мои выводы основаны на резком изменении логики в спускаемых директивах. Такого не было ни при моей жизни, ни при жизни предыдущих поколений кураторов. Поступающие приказы, порой, резко противоречат тому курсу, по которому мы следовали веками. Наша деятельность не спонтанна, господин Селезнёв, она происходила по плану, охва-

тывающему очень большие периоды времени: столетия и даже тысячелетия, поэтому смена курса – это и есть та самая пластиковая ложечка. Я ответил на ваш вопрос?

– Пожалуй –, Лев неуверенно пожал плечами.

– Вижу, что нет. Хорошо, для большей наглядности, представьте огромный муравейник. Кто из нас не дразнил рыжих муравьёв, подбрасывая в их лесные города разных жучков и кузнечиков? Было жутко интересно наблюдать, как защитники города набрасываются на соломинку, жертвуя собой ради своего мира, над которым нависла неведомая угроза. Волна страха и паники моментально распространится по всей колонии насекомых, и ещё долго не утихнет. Весь огромный муравейник, который сопоставим по сложности с нашими крупнейшими агломерациями, придёт в движение, мобилизуется как единый организм, а ведь с угрозой столкнулись всего несколько муравьёв, в то время как для миллионов других особей ничего не изменилось. Тем не менее, сигнал об опасности, полученный микроскопической частью общества, изменил поведение всего муравьиного мира. Такая аналогия в слегка усложнённом виде экстраполируется и на человечество. Больше не работают законы рынка, возрос уровень агрессии и преступности, началась хаотичная, необъяснимая миграция, несмотря на усилия поощрению оседлости, поведение масс людей, легко прогнозируемое раньше, стало парадоксальным даже для нас. Стали появляться самостоятельные субкультуры, созданные не нами

и зачатки критического мышления в закрытых гражданских комьюнити, чего не было со времён Галилея. В каждом отдельно взятом человеке поселился неведомый страх, который управляет им как невидимая рука. Если гражданин задумается, то в его жизни почти ничего не изменилось за последние десять лет. Тем не менее, поведение социума в 2019 было гораздо более предсказуемым, по сравнению с тем, что началось в 2029. Мы ощущаем явное сопротивление нашим инициативам со стороны подавляющего большинства граждан. Наши выводы сходятся на том, что люди чувствуют приближение чего-то, что нельзя предотвратить, в связи с чем, массы ведут себя как единый, огромный организм, проявляя защитную реакцию. Я и ещё несколько человек, полагаем, что это начало нового переходного периода, а не единичный форс мажор. В любом случае, вы об этом очень скоро узнаете.

Побеседовав ещё некоторое время, все трое встали из-за стола. Матильду Дюпон уже ждал автомобиль с водителем. Накрапывал дождь, поэтому водитель с зонтиком заранее подошел проводить её до двери машины. Едва она успела улыбнуться на прощание через приоткрытое стекло, как мощный электрокар тронулся с места и через несколько секунд скрылся в темноте.

Уже облачившись в свой осенний плащ, шарф и шляпу, стоя прямо перед дверью, Лев повернулся к хозяину дома, словно забыл что-то. Несколько секунд он стоял о чём-то

раздумывая, а затем осторожно спросил:

– Господин Морли, сегодня я узнал кое-что новое. Вы должны понимать, что у меня есть руководство, которому я подчиняюсь в своей стране и вряд ли кто-нибудь на моём месте захотел бы получить волчий билет предателя, а ведь то, что я здесь – с вами, само по себе уже балансирование на грани. Прежде чем я получу ещё больше информации, возможно даже опасной информации, хотелось бы уточнить одну маленькую деталь.

– Какой угодно вопрос –, с готовностью ответил тот.

– Что, если я захочу выйти из игры?

– Из игры? Вы хотите самоотстраниться от вашей миссии?

– Предположим, что какой-то человек хочет выйти из этого тайного сообщества. Что тогда?

– Ох, господин Селезнёв –, добродушно рассмеялся Морли –, кажется, я вас понял. Хорошо, скажем так – во-первых, Общество не является тайным. Разумеется, у нас нет юридического адреса, однако, сокрытием фактов, говорящих о существовании Общества никто не занимается сейчас не занимался и в прошлом. Если представить ситуацию, в которой кто-то из членов организации напишет книгу, большую статью или даже снимет фильм о нас, со всеми подробностями о внутреннем устройстве организации, то абсолютно ничего ни для них, ни для нас не изменится. Таких материалов уже и так выпущено достаточно, так что очередное откровение, каким бы правдивым оно ни явилось, не вызо-

вет ровным счётом никакой реакции. Насчёт ваших опасений по поводу риска получить статус предателя – тоже спешу вас успокоить. У вас не было и нет никакого другого руководства, кроме наших высоких иерархов. Когда вы вернётесь к своим прежним обязанностям, вас, возможно, даже понизят. Формально. Возможно даже, что вас назначат руководить второсортным ведомством или захудалым, бессмысленным госпроектом. Но никакая перестановка абсолютно ничего не будет означать. Главная ваша работа заключается в исполнении миссии, возложенной на вас здесь. При этом, полномочия ваши почти не ограничены, а неприкосновенность гарантирована. Лев, из Общества нельзя выйти. Хочу, чтобы вы поняли разницу – это не какая-нибудь вшивая мафиозная иерархия, где за попытку покинуть клан следует наказание или санкции. Вы рождены тем, кто вы есть, понимаете? Птица не может перестать быть птицей и жить как рыба, а рыба не может решить вдруг отрастить перья, вить гнёзда и парить над лугами. Вы сами не сможете перестать быть тем, кто вы есть. У вас есть и всегда будет власть – она никуда не уйдёт от вас ни при каких обстоятельствах. У каждого отдельного представителя Общества имеется заранее определённая для него позиция в пирамиде власти, к которой мы осознанно или неосознанно стремимся с рождения. Лишь на этой позиции он может полноценно существовать, использовать свои способности в полной мере и только на своём месте ваша жизнь будет иметь смысл. Вы это почувствуете так

же, как волк, воспитанный в городской квартире, чувствует непреодолимую тягу к просторам, лесам и крови. Невозможно обмануть самого себя, господин Селезнёв.

Через пять минут после этого разговора Лев уже мчался к своей гостинице по осенним улицам Вашингтона, сметая жёлтые листья, на любезно предоставленной Мейсоном Морли машине.

Глава 16. Второй день консультаций

Секретарь объявил – «слово передаётся нашему почётному Маршалу, основателю и идеологу Трансатлантической Энергетической Кооперации – Ревекке Грин». Болезненный вид этой миниатюрной женщины никак не увязывался с её огромным влиянием на международной арене. Ревекка Грин являлась публичным лицом и Лев знал, что она так же является автором проекта единой энергетической инфраструктуры четырёх континентов Атлантического региона. Поприветствовав аудиторию, Ревекка начала свой доклад:

– Главной темой сегодняшнего дня станет прогресс. Прежде чем я раскрою актуальную точку зрения на данный термин, хочу отметить, что все определения, которыми мы оперируем на этой конференции, раскрываются не просто для общего развития и расширения вашего кругозора. Эта информация для практического применения. В неоднозначных ситуациях, требующих масштабных и решительных действий, мы обращаемся к нашим фундаментальным понятиям, расставляя приоритеты с оглядкой на главную цель. Со-

ветую вам поступать так же. Направление, по которому сейчас следует Цивилизация – это не тот курс, к которому мы стремимся. Уже тридцать лет назад Обществом взята на вооружение совершенно другая концепция развития. Рост городов, рост населения планеты и увеличение потребления как в абсолютном отношении, так и на душу населения, происходят сейчас по инерции. Крупные процессы нельзя остановить мгновенно, поэтому понадобится ещё некоторое время для запуска на полную мощность обновлённой программы развития, соответствующей новому определению прогресса. В предыдущие века и десятилетия основной мерой прогресса считался девиз – «Сегодня больше, чем вчера». Конечно, были и другие точки зрения, но на практике применялось лишь одно, означавшее стремление к увеличению всего. Людей должно быть больше, города должны расширяться и усложняться, потребление должно расти, экономика должна раскручиваться, капиталы должны раздуваться, больше квадратных метров, больше машин, больше трафика, больше товаров, ещё больше людей, больше научных публикаций, больше спутников, больше ракет, больше электроники, больше энергии, больше скорости, бесконечное потребление энергии и материи. Если суммировать подобный подход, то на выходе мы получали нелепейший смысл существования Цивилизации, заключающийся в трансформации бесценных ресурсов планеты в отходы для того, чтобы перерабатывать ещё больше ресурсов в ещё большее количе-

ство отходов. Очевидно, такой взгляд на развитие ошибочный, к чему мы пришли, столкнувшись с проблемой ограниченности территории, пригодной для жизни, ресурсов, которые тоже ограничены, как оказалось, и всё это на фоне безудержного, экспоненциального роста населения Земли. Когда все перечисленные проблемы приобрели чёткие очертания, игнорировать их уже стало невозможно, но именно перед лицом возможного кризиса у нас и появилось реальное понимание сути прогресса. Самым главным ограничением на пути бесконечного наращивания потребления является предел роста популяции людей. Сколько людей может прокормить планета? Цифры звучат разные. Некоторые математики называют цифры до ста миллиардов, при рациональном использовании ресурсов, территорий и разумном производстве, другие говорят, что предел уже достигнут. Практика показала, что ввиду иррациональности человека, скорее правы вторые и даже число в девять миллиардов не было бы достигнуто никогда, без организационных усилий наших иерархов и вас, господа. Вероятнее всего, население Земли никогда бы не превысило отметку в один миллиард. До тех пор, пока мы не наткнулись на естественную преграду в виде психологии обыкновенного человека и вытекающих из этого законов социологии, путь безмерного наращивания потребления через раскрутку мировой экономики, казался вполне правильным на долгие века. Но это тупик, в который мы зашли всего лишь за пару поколений в условиях гигантомании.

В шестидесятые годы казалось, что вот-вот, ещё немного, и загадки Вселенной откроются нам, Солнечная Система совсем скоро будет покорена, а отбор в первые межзвёздные экспедиции будет производиться из детей уже живущих поколений. Даже лидеры стран наивно поверили в возможный скорый контакт с внеземными цивилизациями, которые обязательно подарят человечеству ещё более совершенные технологии, чтобы сделать ещё больше планет в Галактике похожими на нашу родную Землю. Технократия стала настоящим культом, а «прогрессивность» гражданина априори гарантировала ему социальное признание.

Теперь о менее очевидных ограничениях. Если обобщить все принципы, стимулирующие развитие основных отраслей экономики, таких как энергетика, сельское хозяйство, добыча природных ресурсов, большинство видов промышленности, науку со всеми её производными, такими как медицина, образование и так далее, то окажется, что в конечном счёте вектор развития направлен в сторону повышения уровня комфорта. В самом деле, труд многих поколений людей всех социальных классов был положен на алтарь суррогата, под названием прогресс с целью создания максимально комфортной среды для отдельно взятого гражданина. Именно к этой мечте стремились сотни миллионов людей, на протяжении долгих лет приводя в движение циклопические меха мировой экономики. Со временем, большие сверхчеловеческие идеи вроде покорения космоса, подчинения сил природы на

службу людям, установления всеобщего равенства и далее по нарастающей, отошли на второй план. Первой ласточкой стало прекращение Лунной гонки. После этого постепенно перешла в состояние перманентного кризиса программа по освоению Солнечной Системы. В конце концов, деградация достигла в этой сфере такого масштаба, что мы не можем воспроизвести технологии пятидесятилетней давности. Для нас более недоступно даже планирование таких вещей, как пилотируемые полёты к ближайшим планетам, к реализации которых инженеры вплотную подошли ещё полвека назад. Распад, не меньший по разрушительности, затронул и остальные отрасли, не окупающие себя в обозримом будущем. Вектор развития технологий окончательно сместился в сторону удовлетворения насущных потребностей обывателей, которых большинство и за счёт которого получали финансирование такие амбициозные проекты, как Лунная программа, нейтринная астрономия, SETI, кластеры гигантских космических и наземных телескопов, программа озеленения Марса и многие другие. Ещё более амбициозные, равно как и дорогостоящие, начинания по изучению фундаментальной структуры материи, такие как LIGO или Большой адронный коллайдер, полностью так и не реализовали заложенный в инструменты потенциал, несмотря на многообещающие перспективы. Причины этого лежат так же в смене приоритетов и крутом развороте тренда в области развития технологий, что привело к изменению русла финансовой реки, питаю-

щей центры разработок и научно-исследовательские институты. Фундаментальная наука и исследование дальнего космоса, как эталоны для измерения прогресса, по мнению многих идеалистов, оказались на иссохшем, бесплодном грунте и доживают свои последние годы. Такая смена направления приносила свои плоды. В течение непродолжительного периода система образования действительно выдала огромное количество специалистов как технических, так и гуманитарных специальностей. Промышленность тоже переориентировалась на разработку и выпуск всё возрастающего количества всевозможных товаров, номенклатура которых расширялась, дробилась, разветвлялась, достигая невообразимого количества видов под любые запросы. После насыщения имеющихся на рынке ниш и удовлетворения наличных потребностей, промышленность объединилась с генераторами массовой культуры, с помощью моды, кино, рекламы, литературы, музыки, фотографии, создавая новые, не существовавшие ранее ниши, в которые привлекался потребитель, готовый спонсировать подобные излишества ради того, чтобы подчеркнуть некую воображаемую «индивидуальность», весьма спорную. В конце концов, спустя несколько десятилетий движения к новым трендам, средний уровень комфорта заурядного жителя Земли возрос на порядок, то есть – в десятки раз. Но это было лишь серединой пути, потому что промышленность быстро насытила абсолютно все возможные и невозможные потребности человека, после чего спрос

на товары перестал расти так же быстро, как это наблюдалось в начале процесса. Остановить промышленность нельзя, но и перепроизводство приводит к катастрофе. В условиях, когда над всеми маячила вторая Великая Депрессия, только уже мирового масштаба, ведь в конце двадцатого века уже не оставалось суверенных экономик и самодостаточных стран, качество товаров резко и одновременно стало ухудшаться. Все производители подключились к обширной программе исследований по изучению возможности программирования ресурса материалов, устройств и машин. Если ограничить заранее ресурс изделия, то возможно прогнозировать спрос на это изделие в будущем, таким образом можно планировать производство со стабильным спросом на продукцию, избежав тем самым риска остаться с нереализованными излишками. Явное снижение качества товаров никто не заметил, кроме небольшой группы ностальгирующих по прошлому, и этому способствовали два фактора: во-первых – синхронно с массовым внедрением товаров с ограниченным ресурсом, была запущена масштабная пропаганда поощрения консюмеризма, поставившая в положение изгоев те группы граждан, которые склонны пользоваться слишком долгое время одними и теми же вещами, во-вторых – соотношение инженеров к дизайнерам в лёгкой промышленности, машиностроении, архитектуре, в производстве электроники и софта, ощутимо изменилось в пользу вторых. Дизайнеры создавали симулякры из симулякров в ущерб функциональ-

ности и надёжности. В конце концов, они добились в своём искусстве такого успеха, что податливые граждане, одержимые иррациональной жадой покупать, с готовностью поглощали всю производимую продукцию. Отдельным катализатором повышения степени комфорта стал вектор развития Интернета. На заре своего появления, глобальная сеть рассматривалась как инструмент продвинутой связи, позволяющий оперировать файлами разных типов на высокой скорости из любой точки на Земле. Поисковые машины призваны были обеспечить людям доступ ко всей информации из открытых источников, что, как предполагалось, повысило бы уровень образования всех граждан. Даже пользователь из самой отдалённой деревни на краю света получал доступ ко всем библиотекам мира, а для того, чтобы переводить тексты с разных языков, больше не требовалось тратить годы в университете. Как и в случае с телевидением, которому на заре становления пророчили миссию великого учителя, способного превратить каждого человека как минимум в ходячую энциклопедию, Интернет очень быстро трансформировался в средство развлечения и пространство для ведения бизнеса. Несмотря на то, что до сих пор доступ к научно-технической литературе открыт даже в современном – сотовом Интернете, лишь одна десятитысячная доля пользователей регулярно запрашивает доступ к специальным образовательным ресурсам. В связи с тем, что развлекательный контент требует огромных мощностей для передачи, обработки и хране-

ния информации, это повлияло сразу на космические программы развитых стран, на развитие электроники и на мировую энергетику. Одним словом, по мере перемещения активности масс в виртуальную реальность, глобальная сеть, как огромная воронка, затянула в себя почти все крупнейшие отрасли экономики. Космос стал теперь служить потребностям связи, что привело к засорению околоземного космического пространства роем из десятков тысяч спутников, энергетика стала придатком Интернета, а электроника стала разрабатываться преимущественно с ориентацией на запросы рядового потребителя, что шло вразрез с представлениями о задачах кибернетики в предыдущие десятилетия. Резюмируя второе ограничение, можно сказать, что всеми сторонами Цивилизации была достигнута главная цель – максимальный комфорт стал реальностью для большинства. И это как раз и явилось тем барьером, который остановил прогресс. Отсутствие борьбы приводит к деградации. Данное универсальное правило оказалось верным даже для такого сложного и многостороннего процесса. В условиях ультракомфорта, новые поколения отказались перенимать культуру труда и жестокой конкуренции за место под солнцем. Постольку, поскольку наука и технологии в двадцатом веке уже окончательно выродились в средства подъёма по социальным лифтам, а для некоторых – стали способом добиться признания и материального успеха, то принципиальная разница между, условно говоря, работой в сфере обслуживания, развле-

чений и принадлежностью к профессиям учёного или инженера, стёрлась. Отныне, при выборе профессионального пути, стандартный выпускник школы руководствовался новыми критериями. Первый критерий – возможно ли не работать вообще? Если такой возможности нет, то можно ли заработать достаточно для поддержания приемлемого уровня комфорта без необходимости получать специальное или высшее образование? Если и такой возможности нет, то какое образование гарантирует максимально быстро достичь уже указанный уровень комфорта? В результате, интерес к фундаментальным исследованиям и разработке технологий снижался вместе с образовательными стандартами. Если в конце двадцатого века в конкуренции на рынках труда участвовали опытные профессионалы с большим стажем, то после 2020 года корпорациям самостоятельно приходится почти с нуля готовить сотрудников по долгосрочным контрактам, чтобы закрыть свои потребности в рабочих руках – настолько понизились стандарты в образовательных учреждениях. Причины снижения требований к студентам в учебных заведениях связаны с отсутствием мотивации у новых поколений стремиться к достижению каких-либо высот, до конца жизни бросаясь на амбразуру по примеру своих родителей. Новые люди коллективно пришли к выводу о бессмысленности борьбы за существование, а гарантированный временем минимальный уровень комфорта, доставшийся в наследство от отцов, вполне приемлем. Таким образом, прогресс даже

в старом его понимании, остановился. Остановился по естественным причинам, которые, повторяюсь, лежат в природе самого человека. Наука создаёт технологии, технологии создают комфорт для всех, а комфорт разрушает и науку, и технологии. Замкнутый цикл.

Сегодня мы отошли от подобной трактовки. Как вы могли отметить, основная часть доклада посвящена тому, что прогрессом на самом деле не является, но на поверку оказывается лишь его яркой этикеткой, под которой скрыты достижения начала и середины двадцатого века, но никак не технологии будущего. Над точным определением меры прогресса до сих пор продолжается работа, но ввиду многогранной сложности самого процесса, теоретические модели очень сложно обосновать. Основной путь исследований, по которому мы сейчас идём – эмпирический, а в качестве инструмента поиска нового определения мы снова вернулись к философии. Тем не менее, главные приоритеты при конструировании Нового Мира у нас уже появились.

Приоритет первый – Земля на прежде всего. Любая дилемма в любой инстанции, начиная с мировых судов и заканчивая цивилизационными спорами, должна решаться в пользу сохранения планеты и её биосферы.

Приоритет второй – смена демографического курса. Совершенно ясно следует осознать, что человечеству не грозит вымирание.

Приоритет третий – полное упразднение парадигмы кон-

сюмеризма как вредоносной культуры.

Приоритет четвёртый – уничтожение верховой и низовой коррупции, а так же всех незаконных видов мотивации одних граждан другими. Уничтожить коррупцию любыми способами и средствами, не противоречащими вышеприведённым приоритетам.

По основным приоритетам, с которыми мы точно определились, это всё. Руководствуясь этими четырьмя принципами, всего за несколько лет мы достигли невероятных результатов в пилотном регионе, но впереди самые главные изменения, которые откроют нам путь к созданию сверхцивилизации, возможностям которой действительно не будет пределов. Доклад окончен.

Глава 17. Дом второго куратора

Звуки «Четырёх сезонов» Вагнера, заполнив салон автомобиля, изливались наружу, окутывая своей гармонией улицу, город, мир и Вселенную. Казалось, на крыльях этого звучания можно перенестись в любую точку пространства, заглянуть в тайны великого и ничтожного, далёкого и близкого, проникнуть в самую фундаментальную структуру здания этого мира. Беспилотник двигался по заранее указанному адресу, согласно списку обязательных встреч из конверта. Лев смотрел сквозь стекло на залитое дождями шоссе, погружённый в глубокие размышления. Его сейчас не волновали дела. Он не думал о том, чем предстоит заниматься в ближайшем будущем, его не волновала собственная судьба.

Но как ничтожны оказались многие из его представлений о том, как устроен мир. За два дня погружения в Общество он начал осознавать кое-что. Только начал. Пока что осознание окончательно не сформировалось, ведь ширму перед ним ещё никто даже не приоткрывал, но нужно быть совершенным истуканом, чтобы не понимать – он приглашён на прелюдию перед чем-то значимым. Лев ощущал себя деревенским мужиком, наткнувшимся на торчащий из почвы тоненький металлический стержень, копая колодец в огороде. Может ли мужик предположить, что под его ногами зарыт огромный древний собор, по тоненькому острию верхнего купола, едва выглядывающему из земли?

В этот раз путь занял больше времени. Машина припарковалась во дворе огромного частного дома, чем-то напоминающего по архитектуре исторические здания в центре Вашингтона. Подобные дома строились в период с семнадцатого по восемнадцатый века и тем удивительнее, что это прекрасное поместье еще не превратили в музей. Не успел он выйти из машины, как тут же подошли двое крепких мужчин в чёрном и в тёмных очках. Очевидно было, что это служба безопасности. Теперь Лев чувствовал себя даже более привычно, ведь если бы и здесь он спокойно смог зайти в открытую дверь, то его вера в значимость Общества могла слегка пошатнуться. Эта мысль ему показалась забавной, и он невольно улыбнулся уголками рта, заходя внутрь. Охрана за всё время не произнесла ни слова. Его проводили на второй

этаж, где Лев оказался в просторном помещении, залитом дневным светом. В центре залы его уже ждали. За небольшим круглым столом сидели трое мужчин, двое из которых тут же встали со своих мест, заметив гостя. Мужчина постарше остался сидеть, что никак не оскорбило Льва, учитывая возраст незнакомца. По его костюму можно было подумать, будто он или добыл его в музее или переместился в этот дом прямиком из девятнадцатого века. Лев успел отметить, что у этого человека присутствовало едва уловимое сходство с Джорджем Аккедисом, читавшим вводный доклад в первый день конференции. Нет, внешне эти люди принадлежали к совершенно разным типам, но что-то в глазах и взглядах объединяло их.

– Добрый вечер, господин Селезнёв–, хриплым, старческим голосом поприветствовал старик запоздалого гостя –, позвольте представиться – меня зовут Дэвид Гесс. Огромная честь представить и моих друзей: Кевин Уоллес и Александр Корецкий –, Дэвид сделал многозначительный жест ладонью в сторону сидевших с противоположной стороны стола. Кевин Уоллес оказался руководителем интернационального научного холдинга, в составе которого работали учёные самых разных специальностей как из Нового Вавилона, так и из Красного Союза. В прессе никогда не упоминалось о существовании такой крупной кооперации, но отдельные ветки исследований, являвшиеся субпроектами, всё же иногда попадали в поле зрения средств массовой информации. Напри-

мер, проект создания единого центра обработки данных, получаемых тремя эшелонами радио- и двумя эшелонами оптических телескопов, работа над которым велась уже в течение почти двадцати лет, являлся только малой долей из всего спектра исследований коллаборации, возглавляемой этим человеком. Что касается второго человека, то меньше всего этим вечером Лев ожидал встретить философа, однако именно им оказался Корецкий. Как и положено философу, он носил длинную, густую бороду, что делало этого человека похожим на учёных мужей позапрошлого столетия, портреты которых висят в каждом учебном заведении.

Огромный дом казался совершенно пустым. С той минуты, когда Лев переступил порог в сопровождении охраны, он не услышал ни единого звука из соседних помещений, не заметил ни прислуги, ни домочадцев – никого, кроме троих людей за круглым столом. Через огромные окна хорошо виднелось, что дождь усилился и как ночную тьму время от времени озаряли далёкие вспышки молний. В самой зале тоже царил сумрак, несмотря на обилие источников света – все они оказались приглушены до уровня сумеречного освещения.

– Господин Селезнёв, вы знаете, кто такой Александр Корецкий? – без долгих вступлений спросил Дэвид Гесс.

– Не могу утверждать, что хорошо осведомлён, но его имя мелькало несколько раз в моей ленте новостей –, честно признался Лев.

– Значит, вы в курсе, что его имя связано со Святославией. Этого уже не мало.

Здесь нужно сказать несколько слов о Святославии. Самое крупное государство Интермариума – оно образовалось в результате событий, ставших наиболее мрачными страницами в истории двадцать первого века. В конце концов, на растерзанных всевозможными войнами просторах восточной Европы, подобно Фениксу, восставшему из пепла, возникло новое национальное государство. Возможно, последняя держава такого рода в мире. Старые границы стран Восточной Европы оказались стёрты с политической карты, а уставшие от нашествий орд машин, созданных убивать, народы объединились вместе под общим флагом, чтобы выжить. Все прежние разногласия, подобно картонным перегородкам, сломались под натиском народной воли к жизни. Новое образование провозгласило себя государством восточных славян. Во главе Святославии встал человек, твёрдо огласивший, что пришёл конец угнетению родственных народов, а любое посягательство на суверенитет как с востока, так и с запада, наткнётся на непоколебимую, решительную ответную реакцию. Тотальная воинская повинность граждан Святославии, помноженная на маниакальные усилия в области милитаризации, сделали из этого государства неприступный бастион, за стенами которого каждый, считающий себя угнетённым славянским человеком, мог рассчитывать на защиту, при определённой степени лояльности. За всё, конеч-

но, надо платить, и гражданам нового государства предложили обменять часть свобод на безопасность. Впрочем, после событий, совсем недавно изменивших политический ландшафт бывшей Европы, это вовсе не казалось слишком большой проблемой. Новый лидер очень быстро укрепил свою власть чередой жестких политических решений, при этом заручившись поддержкой большей части населения. Судьба Святославии, находящейся на стыке двух цивилизаций, прямо посреди Интермариума, не обещала быть лёгкой, к тому же, за последние два года количество горячих точек в буферных зонах только выросло. Уникальность положения государства восточных славян заключалась в том, что если такие страны, как например Индия или Нигерия, будучи относительно самостоятельными политическими субъектами, всё равно прирастали нитями симбиоза к одной из двух сверхдержав, обязываясь проявлять солидарность по отношению к дружественному союзу и косвенно присоединяясь к борьбе против антагониста, то Святославия находилась в конфронтации сразу со всеми и не имела открытых союзников. Из всех государств мира ни одно не заявило официально о поддержке независимости страны восточнославянского возрождения, как иногда называли жители Святославии свою новую Родину. Обвинения в адрес республики сыпались одно за другим: нарушение территориальной целостности и покушение на суверенитет целого ряда мирных государств, обвинения в геноциде, в незаконной милитаризации, в нарушении

прав человека, военных преступлениях, разработке всех видов оружия массового поражения, пренебрежении этическими нормами при проведении научных исследований и много других. На заседаниях совета безопасности ООН, в которых, разумеется, не присутствовали представители Святославии, единогласными решениями принимались ограничивающие, запрещающие, всемерно осуждающие и другие резолюции, призванные максимально сковать любую международную активность восточнославянской республики. Новый Вавилон и Красный Союз, вместе со всеми своими сателлитами, суммарно ввели десятки тысяч экономических и технологических санкций, с целью подавления финансовой системы и промышленности, оставив нетронутыми лишь некоторые каналы продовольственного обмена, как маленький намёк на благие цели всестороннего давления на новый суверен. Подобный широкий жест, по словам мировых лидеров, является ясным знаком заботы о простых гражданах Святославии, ведь никто не хочет гуманитарной катастрофы, а санкции направлены, по словам инициаторов эмбарго, против правящего класса. Тем не менее, государству восточных славян удалось стабилизировать как экономику, так и промышленность, а через три года после образования уже и наладить экспорт избытков продовольствия, произведённого внутри. С этого момента единственным рычагом давления при урегулировании споров со Святославией, равно как и последним аргументом, стал военный шантаж, зачастую

несущий грозный намёк на «вынужденное применение превентивного ядерного удара». Так как ядерное оружие после разделения мира сосредоточилось преимущественно в руках администраций двух супердержав, то подобные перспективы не казались далёкими, однако, за все годы торговли угрозами, этот способ диалога ни разу не принёс успеха ни одной из угрожающих сторон.

– Дэвид, позвольте задать вам прямой вопрос.

– Внимательно вас слушаю.

– С первого дня конференции и в кулуарах, и в докладах нас убеждают, что войн больше не будет и эпоха больших конфликтов закончилась. Но только слепой не заметит, что происходит в Интермариуме сегодня, не говоря о бесчисленных очагах насилия по всей линии соприкосновения ваших и наших интересов. Это похоже на начало Третьей Мировой, если откровенно. Вам не кажется, что тут есть какое-то маленькое противоречие?

– Всё верно, господин Селезнёв, войны и правда нет. Давайте начнём с того, что нет никаких наших и ваших интересов. Есть план. Один большой, далеко идущий, тысячелетний план. То, о чём вы говорите – не истинная война в классическом смысле. На самом деле, бесконечный конфликт мы рассматриваем как новейшую форму взаимного сотрудничества, которая открывает перед нами потрясающие возможности для решения внешних, внутренних и других проблем, неизбежно возникающих по пути к нашим целям.

– То есть, угрозы применения ядерного оружия можно игнорировать, потому что это тоже «способ сотрудничества», я вас правильно понимаю?

Внезапно раздался звонок. Телефонный аппарат с проводом, находившийся прямо по центру круглого стола, прозвонил несколько раз, прежде чем Дэвид Гесс предложил Селезнёву ответить на вызов. Звонил генеральный секретарь Евгений Грачёв. Разговор по защищённой линии связи продолжался не более одной минуты, после чего Лев медленно вернул трубку на место.

– Меня переназначили, теперь я государственный советник. Первого класса –, в глазах бывшего заместителя министра читалась некая смесь изумления и озадаченности.

– Поздравляю вас –, дежурно ответил Дэвид и через секунду продолжил –, сейчас вы должны вспомнить определение двухполярной цивилизации, как единственно возможной формы устойчивого существования мира людей. Все эти очаги насилия, как вы выразились, должны тлеть, это входит в план. Представьте новую холодную войну, признаки начала которой уже сейчас вполне сформировались. Вечная холодная война со всеми её характерными особенностями – это то, что станет неотъемлемой частью нашего бытия в ближайшие столетия. Только так мы достигнем готовности перехода человечества на новую ступень развития, которую мы и считаем настоящим прогрессом. Понимаете, о чём я говорю?

– Я понимаю то, что не сегодня – так завтра, какой-нибудь

генерал в милитаристском бреду решит нанести превентивный удар по воображаемому противнику, в результате чего произойдёт обмен ядерными арсеналами всех против всех. Уже восемьдесят лет эта угроза висит над всеми нами, становясь только ближе с каждым годом. Это входит в Большой Мудрый План, о котором я уже слышу в десятый раз, как минимум?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.